

Дмитриев Д.

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Дмитрий Савватиевич Дмитриев
Кавалерист-девица
Серия «Женские лики
– СИМВОЛЫ ВЕКОВ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8151282

Кавалерист-девица: Роман: Мир книги, Литература; Москва; 2010

ISBN 978-5-486-03745-0

Аннотация

Дмитрий Савватиевич Дмитриев (1848–1915) □ – писатель, драматург. Родился в Москве в купеческой семье. Воспитывая сына в строго религиозном духе, отец не позволил ему поступить в гимназию. Грамоте его обучила монашенка. С 1870-х годов Дмитриев служил в библиотеке Московского университета, тогда же он начал публиковать рассказы, сценки, очерки, преимущественно бытовые. В 1880-е он сочиняет пьесы для «народных сцен», отмеченные сильным влиянием А. Н. Островского. С конца 1890-х Дмитриев пишет в основном исторические романы и повести (их опубликовано более шестидесяти). В 1908 □ г. после смерти единственного сына принял священнический сан.

В данном томе представлен роман «Кавалерист-девица», повествующий об удивительной судьбе Надежды Андреевны

Дуровой – первой в русской армии женщины-офицера и писательницы. Даже А. С. Пушкин был глубоко заинтересован личностью Дуровой, писал о ней хвалебные, восторженные отзывы на страницах своего журнала и побуждал ее к писательской деятельности.

Содержание

I	5
II	11
III	17
IV	25
V	32
VI	35
VII	40
VIII	47
IX	52
X	56
XI	59
XII	63
XIII	68
XIV	73
XV	78
XVI	83
XVII	86
XVIII	93
XIX	100
XX	104
XXI	108
XXII	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Дмитрий Дмитриев

Кавалерист-девица

I

Осень 1806 года.

На Каме, в нескольких верстах от города Сарапула, расположился по гористому берегу отряд казаков под начальством храброго полковника Смирнова.

Казаки были вызваны для усмирения взбунтовавшихся татар.

В бараке полковника собралось несколько казацких офицеров – играть в карты.

Полковник Смирнов был старый служака, требовательный и строгий на службе, но любезный и гостеприимный вне ее.

Денщик полковника старый казак Иван, по прозванию Усач, то и дело подносил гостям чай с ромом.

– Иван Григорьич, вас спрашивают, – проговорил молодой офицер, входя в барак и обращаясь к полковнику.

– Кто? – не оставляя карт, спросил полковник.

– Какой-то казак.

– Наш?

– Нет! Он совсем еще мальчик.

– Пусть войдет – посмотрим, что ему надо.

В барак полковника вошел стройный, с женственным лицом, мальчик-казак. Он был бы очень красив, если бы его лицо не было изрыто оспой. Черные пронизательные глаза его смотрели бойко и смело. Он был широкоплеч, с высокой грудью. Светло-русые волосы были подстрижены по-казацки, в кружок. На нем надет был синий суконный чекмень, перетянутый кушаком. На голове высокая шапка с красным верхом. На широких синих шароварах резко выделялся красный лампас. На боку висела сабля, а через плечо, на ремне, толстая нагайка.

Полковник с удивлением посмотрел на вошедшего казака и спросил его:

– Какого полка и какой сотни?

– Я еще не принадлежу к казацкому войску. Я только приехал просить вас, господин полковник, зачислить меня казакком, – тихим голосом, похожим на женский, ответил юный казак.

– Так ты не казак?

– Нет, господин полковник.

– Так кто же ты и зачем носишь казацкий мундир? – голосом, в котором слышалось нетерпение, проговорил Иван Григорьевич.

– Я уже сказал вам, полковник, что желаю быть причисленным к вашему полку, хоть только на время, пока дойдем до регулярных войск.

– Все-таки, любезный, я должен знать, кто ты, чтобы принять тебя.

– Я дворянин.

– Разве вам неизвестно, что у нас никому нельзя служить, кроме природных казаков? – проговорил полковник, переходя с «ты» на «вы».

– Я прошу вас хоть позволить мне дойти до регулярных войск с вашим полком.

– Сколько вам лет?

– Девятнадцать. Я должен вам сказать, полковник, что я поступлю в военную службу без ведома и воли моих родителей.

– Что же побуждает вас к этому?

– Любовь к военной службе... Я не могу быть счастлив ни в каком другом звании, кроме военного, поэтому и решил поступить на военную службу.

– Героем хотите сделаться? Похвально! А скажите мне, молодой герой, как вас звать?

– Александром.

– А по отчеству?

– Васильичем, а фамилия моя Дубенский.

– Я, право, не знаю, что вам и сказать, господин Дубенский... Принять вас, то есть позволить следовать за моим полком, я не имею права; вместе с тем и отказать вам тоже не хочется.

– Я покорнейше вас прошу принять меня.

– Что мне делать? Дозволить или не дозволить? – сказал вполголоса полковник, обращаясь к старому есаулу.

– Пусть идет с нами, благо охота, – ответил есаул.

– Не нажать бы нам каких хлопот?

– Каких же? Напротив, его отец с матерью должны быть нам благодарны, что мы приютили его.

– Ну хорошо, молодой человек, я согласен – ступайте с нами, – сказал полковник казаку-мальчику.

– Очень благодарен, господин полковник.

– Но предупреждаю, что мы идем на Дон. Эй, Усач, скажи, чтобы дали ему лошадь, – приказал Смирнов своему денщику, показывая на Александра Дубенского.

– У меня есть лошадь.

– Тем лучше, поезжайте на своей.

Дубенский поклонился полковнику и, вне себя от радости, поспешил к своему коню.

– Заждался, мой Алкид? – весело проговорил Дубенский, глядя и лаская свою лошадь, которая от нетерпения била копытами землю и ржала.

Коня окружили несколько казаков, которые любовались его красотой.

Молодой казак, как птица, взлетел в седло; конь бодро и красиво пошел под седоком, сгибая свою тонкую шею.

Офицеры вышли из барака и тоже любовались на коня и на наездника.

– Удивительно, как этот молодой казак похож на девицу.

Посмотрите, какая у него талия, да и ручки у него белые, малюсенькие – две капли воды как у барышни, – говорит один офицер другому, показывая на Дубенского, гарцевавшего на своем коне по равнине, на которой раскинулся казачий стан.

– Я и сам дивуюсь. Уж не девица ли это, переряженная казаком?

– Вот что выдумал

– А что, бывали ведь примеры!

– Редко.

– А все-таки бывали.

Собравшись в кучу казаки тоже вели разговор, и предметом их разговора был юный казак.

– Братцы, это девка!

– Ври!

– Провалиться на месте – девка!

– Разве девка усидит на таком коне! Ведь это не конь, а лев.

– Конь добрый, лихой.

– То-то и есть!.. На таком коне, пожалуй, и мы с тобой не усидим, не токмо девка.

– Нет, уж очень похож он и на девку: лицо такое нежное, белое.

– Из дворян, на хороших харчах рос, – оттого у него и белое лицо.

– И то может.

– Конечно, какая там девка! Где теперича бабе дойти до такой смелости, ведь у него не конь, а вихорь.

Спустя немного казаки стали собираться в поход к Дону.

Полковнику подвели черкесского коня, он молодецевато на него сел и скомандовал в поход.

С песней и музыкой выступили казаки.

Дубенский ехал с ними; веселый, счастливый.

Бодро, молодецевато сидел он на своем коне.

II

В городе Сарапуле в доме городничего, ротмистра Андрея Васильевича Дурова, день 17 сентября всегда справлялся торжественно. Это был день именин старшей дочери Дурова, Надежды.

Андрей Васильевич любил свою дочь и в день ее именин всегда устраивал праздник. Вся знать уездного городка Сарапула в этот день бывала в доме городничего.

В день своих именин некрасивая, но симпатичная Надя проснулась ранее обыкновенного, еще до зари. Она быстро оделась и задумчиво села у открытого окна, ожидая появления зари.

«Может быть, это будет последняя, которую я увижу в стране родной! Что ждет меня в бурном свете? Не понесется ли вслед за мною проклятие матери и горесть отца! Будут ли они живы? Дождутся ли успехов гигантского замысла моего? Ужасно, если смерть их отнимет у меня!»¹

Такие мысли отуманивали голову молодой именинницы, которая задумала что-то необычайное, из ряда вон выходящее. Сердце сжималось у ней, и слезы заблестали на ее красивых черных ресницах.

Вот занялась заря и алым заревом своим осветила комна-

¹ Записки Н. А. Дуровой.

ту молодой женщины. Надя в то время была уже замужем, хотя с мужем и не жила.

Большая сабля, подарок отца, висела около ее кровати. Надя сняла ее со стены, вынула из ножен, полюбовалась ее блестящим стальным клинком и задумчиво сказала:

– Эта сабля служила мне игрушкой, когда я была в младенческом возрасте, и моею утехой и упражнением в отроческие годы. А теперь сабля будет моей защитой и моей славой. Да-да! Я стану носить тебя с честью.

Она поцеловала клинок у сабли и повесила ее опять на стену.

– Надюша, не спишь? – тихо проговорила старая нянька Никитишна, просовывая свою седую голову в дверь.

– Входи, Никитишна, я не сплю.

– Да ты уж и одета. Ишь спозаранку-то поднялась! – прошамкала своим беззубым ртом старушка, любовно и ласково поглядывая на Надежду Андреевну.

Никитишна поздравила именинницу.

– Прощай, няня, – печально проговорила Надежда Андреевна.

– Как – прощай? Разве ты куда едешь?..

– Еду.

– Куда же?

– Далеко, Никитишна, далеко.

– С кем едешь-то?

– Одна.

– С нами сила крестная!.. Да что ты, в уме ли? Хочешь ехать одна, да еще далеко? Возьми хоть меня.

– Нельзя, няня.

– Почему нельзя? Ведь тебе прислужница нужна – вот и возьми меня.

– Полно, няня, куда тебе, ты стара.

– Знамо, не молоденькая. Ты, Надюша, шутишь. Ну куда тебе ехать, да и зачем? У родимого батюшки тебе неплохо живется.

– Пошутила я, Никитишна, пошутила, – со вздохом проговорила молодая женщина и крепко поцеловала свою няньку.

– И напугала же меня ты, Надюшка. Ведь что придумала, право! А кататься нынче поедешь?

– Поеду.

– Верхом?

– Верхом, няня.

– Родись ты, Надюша, мальчишкой, из тебя бы вышел лихой вояка, право!

– Может, я и буду воякой.

– Ты будешь воякой? – удивилась Никитишна.

– Да.

– Ври больше! Разве девки али бабы воюют?

– Воюют, няня. Одна молодая девушка во Франции всей армией руководила. Геройством своим на весь свет прославилась.

– Неужли? Как ее звали-то?

– Жанной.

– Чай, ведь это было в старину.

– Да, давно.

– Ну, теперича таких девок или баб не сыщешь, чтобы солдатами командовали – они только и горазды мужьями командовать.

Разговор между Надеждой Андреевной и старухой-нянькой был прерван приходом Андрея Васильевича. Дуров очень любил и баловал свою дочь. Он подарил ей на именины триста рублей денег и гусарское седло. Именинница не так рада была деньгам, как седлу. Мать подарила Надежде Андреевне золотую цепочку.

Целый день в доме городничего были гости. Настал вечер, гости разъехались. Надя имела обыкновение каждый вечер, перед сном, заходить к матери прощаться. На этот раз она не могла сдержать свои чувства и со слезами стала целовать руки у матери.

Марфа Тимофеевна не любила Надю, однако ласки дочери тронули ее. Она перекрестила дочь, обняла и ласково сказала:

– Ты устала? Отдохни, бог с тобой...

«Слова эти, – пишет Н. А. Дурова, – весьма много значили для меня, никогда еще не слыхавшей ни одного ласкового слова от матери своей. Я приняла их за благословение, поцеловала в последний раз руку ее и ушла».

Андрей Васильевич после ужина, по обыкновению, зашел к дочери. Заметив, что она бледна, он участливо спросил:

– Да ты здорова ли?

– Здорова, совсем здорова, – ответила молодая девушка.

– Что же ты так бледна?

– Я немного устала.

– Так скорее ложись в постель. А чтобы тебе не мешать, я уйду.

– Нет-нет, папа... поговорить...

Слезы душили Надю, она дрожала от волнения.

– Да ты дрожишь, у тебя лихорадка! Ложись скорее в постель и укутайся одеялом. Прощай, спи спокойно.

Дуров встал, перекрестил дочь и поцеловал ее в лоб.

– Прощай, папа, милый, дорогой, прощай!

– Надя, ты прощаешься со мной, как будто мы расстаемся надолго.

– Кто знает, папа.

– Не говори пустяков, ложись лучше скорее спать.

Андрей Васильевич еще раз поцеловал дочь и вышел. Надя же стала на колени у того кресла, где он сидел, склонилась на него и дала волю слезам. Потом стала молиться; молилась молодая женщина долго и усердно.

Пробило одиннадцать часов, все в доме городничего улеглись спать, настала тишина.

Надя подошла к зеркалу и обрезала свои выющиеся прекрасные волосы. Потом сбросила с себя платье и стала быст-

ро переодеться в казацкий мундир. Надев чекмень, она стянула свой стан черным шелковым кушаком. Затем надела высокую казацкую шапку. Далее, взяв узел со своей одеждой, она тихо вышла в сад, прошла в конюшню, оседлала своего Алкида, вывела его в заднюю калитку на улицу и привязала к дереву. Сама же она побежала к берегам Камы. Здесь, на берегу, положила свое платье и по узкой тропинке взошла на высокую гору.

Ночь была лунная и холодная.

Перед глазами молодой женщины расстилалось необозримое пространство. Вдали темной, непроницаемой стеной стояли огромные леса, виднелась зеркальная поверхность озера, а у подошвы горы спал город в полуночной тишине. Лунный свет играл и отражался на позлащенных главах церкви. Долго любовалась Надя этой чудной картиной.

Потом она спустилась с горы, вскочила на своего коня и вихрем понеслась по той дороге, по которой от города к Дону направился казацкий отряд.

III

Поход казаков продолжался более месяца.

Новая жизнь, новые люди, новое положение – все это восхищало Надю, которая несла службу наравне с простыми казаками: она сама убирала свою лошадь, сама водила ее на водопой и т. д.

Наконец казаки добрались до необозримых донских степей. Теперь они на родине.

Полковник Смирнов позвал к себе Надю и обратился к ней с такими словами:

– Ну, молодой храбрец, мы дома. Нашему странствованию конец. Что вы намерены делать?

– Ехать в армию, – смело ответил Александр Дубенский.

– А знаете ли вы, мой милый, где находится наша армия? Дорогу, по которой надо вам ехать, знаете? И, наконец, есть ли у вас деньги? Ведь путь предстоит вам неблизкий!

– Денег у меня достаточно, господин полковник, а дорогу я найду.

– Послушайте меня, Александр Васильевич, вернитесь-ка домой – лучше будет. Ведь быть героем не так-то легко. У вас есть отец, мать – порадуйте их, вернитесь. Ну куда вы поедете один, не зная дороги? Мне жаль вас... Ну а если вы все-таки не хотите вернуться домой, останьтесь здесь, на Дону, поживите у меня в доме до нового похода, который нам

скоро предстоит.

– Разве вы ожидаете похода, полковник?

– Непременно.

– Куда же?

– В действующую армию.

– Сражаться с Наполеоном?

– Да. Этот корсиканец не в меру смел становится.

– Он – герой! – молвил Дубенский.

– Пожалуй и герой, только кровожадный. Ну, значит, решено, вы остаетесь у нас! Я сдам вас с рук на руки жене и дочери.

– Я не найду слов, как вас благодарить, полковник.

– Не за что, право. Надеюсь, скучать вы не будете. Моя конюшня к вашим услугам – катайтесь верхом по степям сколько угодно. Итак, по рукам!

Добрый Иван Григорьевич протянул Наде свою руку; девушка крепко пожала ее.

В одной из станиц у Ивана Григорьевича был свой дом с огромным садом и огородом. Туда-то он и привез на время Надю.

Его жена, Марья Дмитриевна, женщина не старая еще и очень красивая, вместе с дочерью, красавицей Галей, встретили с радостью полковника с молодым гостем.

– Вот прошу любить и жаловать и считать этого героя дорогим гостем, – весело проговорил Иван Григорьевич, указывая жене и дочери на Александра Дубенского.

– Очень рады гостю. Вы еще совсем мальчик. Сколько вам лет? – спросила полковница Дубенского.

– Девятнадцать.

– А я думала, вам не более четырнадцати. Живы ли ваши родители?

– Живы.

– Как же они решились отпустить вас?

– Я самовольно ушел.

– Стало быть, ваши родители не знают, что вы поступили в казаки! – с любопытством спросила полковница своего молодого гостя.

– Нет, не знают.

Эти вопросы стали наконец надоедать Александру Дубенскому. Полковник заметил это и сказал жене:

– Соловья баснями не кормят. Ты лучше прикажи приготовить нам закусить: мы в дороге проголодались.

– И то, и то! Экая я недогадливая, право!..

И добрая Марья Дмитриевна стала хлопотать около стола.

Между тем, Галя не спускала своих черных глаз с молодого казака. Это была красивая, стройная девушка, со смуглым лицом южного типа. Черные густые волосы вились у нее крупными локонами. На алых полных губках всегда скользила приветливая улыбка. В ее жгучих глазах было так много огня. Казацкий наряд чрезвычайно шел к Гале.

– У вас есть конь? – спросила Галя Дубенского.

– Есть.

– Хороший?

– О да! Мой Алкид – чудный конь.

– Вы называете Алкидом свою лошадь?

– Да, это прозвище дано ей моим отцом.

– Вы любите отца? Вероятно, любите. А вот сами причинили ему горе.

– Я отцу причинил горе?!

– Разумеется! Вы ведь тайно скрылись из дома своего отца. Впрочем, оставим этот разговор... Вам тяжело – я это понимаю... Хотите, пока собирают завтрак, я покажу вам наш сад?

И Галя в сопровождении молодого казака направилась в сад.

– Знаете, Александр Васильевич, вы очень походите на девушку, – сказала дорогой Галя Дубенскому.

– Неужели! – воскликнул Дубенский, принужденно засмеявшись.

– У вас такое нежное лицо и руки, такая прекрасная талия.

Галя сама же покраснела, произнося эти слова.

– Вы совсем меня захвалили! Знаете, Галя, скорее я должен говорить вам комплименты и восторгаться вашей красотой, а выходит наоборот, – улыбаясь, промолвил молодой казак.

– Вы думаете, что я говорю вам комплименты? Нет, я девушка простая и говорю только то, что у меня на сердце.

Их позвали завтракать. Добрая полковница усердно при-

нялась угощать своего гостя.

Чего-чего не стояло только у хлебосольной хозяйки на столе!

Хорошо и весело жилось Наде в доме полковника Смирнова. Самого его не было, он скоро уехал в полк, а хозяйничали в доме Марья Дмитриевна и Галя; обе они наперерыв старались угождать своему гостю, были с ним предупредительны.

Но вместе с тем как-то недоверчиво посматривали на молодого казака; они как будто догадывались, что под казацким грубым мундиром скрывается не мужчина, а женщина.

В своих записках Н. А. Дурова пишет: «В конце концов я не находила уже никакого удовольствия оставаться в семействе полковника, но с утра до вечера ходила по полям и виноградникам... Я очень хорошо видела, что казацкий мундир плохо скрывает разительное отличие мое от природных казаков».

Веселая и любопытная Галя, чтобы узнать настоящий пол молодого казака, решилась на смелый поступок. Она воспользовалась отсутствием Нади и спряталась в ее комнате за портьеру у двери. Ждать ей пришлось немало времени.

Наконец молодая женщина пришла, усталая, измученная. Надя положительно не расставалась с своим Алкидом, рыская по беспредельным донским лугам и полям.

Она отказалась от ужина, заперла дверь своей комнаты и стала раздеваться.

Представьте положение бедной Нади, когда перед ней неожиданно очутилась Галя.

Надя схватила казацкий мундир и хотела его надеть, но Галя ее остановила:

– Не трудитесь, зачем? Теперь я все знаю. Догадка моя оправдалась, – с добродушной улыбкой проговорила она.

– Вы подсмотрели, Галя, это недостойно вас! – упрекнула Надя молодую девушку.

– Простите! Но мне так хотелось узнать, кто вы. Мама и вся наша дворня в один голос говорили, что вы не мужчина, а женщина. И вот я, чтобы проверить...

– Вы решились подсматривать. Нехорошо!

– Простите меня!

– После этого мне часа нельзя оставаться в вашем доме.

Я сейчас же уеду.

– Зачем? Я не пущу вас.

– Ах, Галя, если бы вы знали, какое вы мне сделали зло!

Ведь теперь все узнают, что я женщина.

– Что вы, что вы! Я никому не скажу.

– Полноте!

– Право же, не скажу.

– Теперь прощай все мои мечты!

– Хотите, я поклянусь, что никому не скажу: ни папе, ни маме.

– Зачем клятвы!

– Нет, я поклянусь.

– Я верю вам, Галя; вы, добрая, хорошая, и не захотите моего несчастья.

– Позвольте мне вас обнять и поцеловать, теперь ведь это можно?

Галя крепко обняла Надежду Андреевну.

– Вы девушка? – спросила Галя.

– Нет, я замужняя.

– Такая молодая и уже замужем? А как вас звать?

– Надеждой.

Дурова, теперь не считала нужным скрываться перед молодой девушкой.

– Ах, какое хорошее имя! Вы не рассердитесь на меня, если я стану вас звать Надей.

– Пожалуйста.

– Скажите, Надя, зачем вы нарядились по-казацки? А впрочем, этот мундир вам очень к лицу. Ведь я чуть в вас не влюбилась, право!

Галя звонко рассмеялась.

– Какая вы, Галя, веселая! – молвила Надежда Андреевна.

– Что же мне скучать? Итак, скажите, зачем вы нарядились казаком?

– Вас это интересует?

– Очень.

– Хорошо, Галя, я расскажу вам историю моей жизни, только с условием.

– С каким?

– Вы никому не скажете, что я женщина.

– Принимаю ваше условие. Хотите, поклянусь!

– Я верю вам, Галя, и без клятв. Теперь слушайте меня.

И Надежда Андреевна рассказала молодой казачке историю своей жизни такого содержания.

IV

Отец Надежды Дуровой, как уже мы сказали, был рот-мистр. Он тайком женился на дочери богатого полтавского помещика, по фамилии Александровича.

Старику не хотелось выдавать дочь за «москаля», и Дуров венчался тайком в одной из сельских церквей.

После венца молодые уехали в Киев. Молодая жена Дурова, Марфа Тимофеевна, писала отцу, просила у него прощения, но нравный старик тогда только помирился с дочерью, когда пошли у нее дети.

Первенцем у молодой четы была Надя. Мать с самого рождения ее невзлюбила, так как ей хотелось сына. Между тем отец души не чаял в маленькой Наде. Когда ей было всего только четыре месяца, он отдал ее на попечение фланговому гусару, старику Ахматову. Старик гусар тоже крепко любил малютку Надю и вполне заменял ей няньку.

Целые дни он таскал ее на руках, носил в конюшню, сажал на лошадей. И девочка, не умея еще ходить, делается вполне уже военным ребенком, дочерью полка; ее окружают все впечатления войны. Сабли, ружья, пистолеты становятся ее игрушками; военная музыка, утренние и вечерние зори нежат ее детский слух попеременно с громкими криками: «Эскадрон, налево кругом марш!» Девочка так привыкает к этим звукам, что они делаются ей приятны, как привычная

песня няни, баюкающая слух в раннем детстве. Будучи четырех месяцев, она уже испытала прелести походной жизни: отец из Киева переходил с полком в Херсон, за ним в карете следовала его молодая семья. Ни кукол, ни детских игр, ни мирных забав не помнит Надежда Андреевна в раннем детстве. Ружья, пистолеты, лошади, гусар Ахматов – добрый, тихий солдат, ее нянька и воспитатель, – вот что вспоминает она из времен детства.

Благодаря такому воспитанию в Наде с самого детства развились склонности к военной жизни, гусарские привычки и манеры. Она и держала себя по-гусарски. Все это не нравилось ее матери. Манеры дочери просто ужасали Марфу Тимофеевну. Она сердилась на Надю, упрекала ее, ругала и даже била, но все-таки нисколько не отучила ее от «ужасных» привычек.

Немалых трудов стоило матери усадить свою дочь за азбуку или за какое-нибудь детское рукоделье. Лишь только Марфа Тимофеевна за дверь, Надя стремглав бежит в сад или в лес, лазает, как белка, по сучьям, прыгает через канавы или же украдкой возьмет из комнаты отца ружье или пистолет и начнет выкидывать разные военные артикулы. Не боялась маленькая Надя и стрелять из ружья.

Попавшуюся в этих занятиях Надю ведут к матери; та набрасывается на нее с целым градом упреков и брани, приказывает запереть ее в комнате, но смелой военной девочке это нипочем. Она прыгает в окно чуть не в одном белье, бе-

жит на конюшню, смело выводит оттуда черкесского жеребца Алкида, которого впоследствии отец подарил ей, и как ни в чем не бывало водит его по двору. А то вскарабкается на Алкида и, придерживаясь за гриву, скачет на нем.

На тринадцатое году Надю отправляют на исправление к ее бабушке в Малороссию, но старуха Александрович любила Надю и предоставила ей бегать, играть, прыгать, стрелять из ружья и вообще делать что ей заблагорассудится.

Надя от бабушки едет к своей тетке, очень чопорной барыне. Та старается перевоспитать племянницу по-своему, приучить ее к деликатному обращению. Тетка одевает ее в дорогие модные платья, вывозит на балы и вечера.

И вот у Нади мало-помалу начинают исчезать гусарские замашки. Ее начинают интересовать наряды, книги, она уже занимается собой, своим туалетом; из «дочери полка» получается молоденькая барышня, правда, с некрасивым, но симпатичным лицом.

Молоденькая Надя не прочь была и пококлетничать. Так, она кокетничала с сыном одной помещицы, даже подарила ему кольцо на память. Тетка об этом узнала, задала племяннице строгий выговор и нашла нужным опять отправить ее к бабушке, но там Надя пробыла недолго – мать потребовала ее домой, и Надя вернулась в свой родной Сарапул.

Увезли ее из родительского дома девочкой «сорвиголовой», каким-то гусаром в юбке, а вернулась она приличной, благовоспитанной девушкой.

Но как только возвратилась Надя домой, в ней опять проснулись гусарские наклонности и манеры. Все, что она усвоила у богатых родственников, было ею забыто. Поле, луга, лес – вот где проводила Надя летом время.

Наде исполнилось восемнадцать лет. Отец и мать стали подумывать о ее замужестве. Андрей Васильевич подыскал для дочери жениха, молодого чиновника Василия Чернова, который был влюблен в Надю. Но та не питала к нему никакого расположения.

Отец и мать настаивали, чтоб она вышла за Чернова. Волей-неволей пришлось молодой девушке стать невестой, а там и женой нелюбимого человека.

Дня за два-три до свадьбы Надя решила серьезно потолковать с женихом.

– Василий Николаевич, вы меня любите? – спросила она Чернова, поглядывая на него своими выразительными глазами.

– Даже очень-с, – отвечает тот.

– А я-то, голубчик, вас ведь не люблю, – откровенно призналась Надя.

– Совсем не любите? – несколько смутившись, произнес жених.

– Совсем не люблю.

– Что же, коли теперь не любите, так полюбите потом.

– Никогда не полюблю.

– Отчего же-с? Кажись, я не урод?

Чернов обиделся. Наде стало его жаль, и чтобы хоть немного утешить его, она проговорила:

– Ни вас, ни кого другого я не полюблю.

– Почему же? Всякая девица в вашем возрасте должна любить.

– А я, повторяю, любить никого не буду.

– Странная вы девица!

– Уж такой уродилась.

– Может, еще время не пришло?

– Чему?

– А любить.

– Вы думаете, это время придет?

– Всенепременно-с.

– Ну и ждите, когда я вас полюблю, – сердито проговорила

Надя.

– И буду ждать, – совершенно спокойно ответил ей молодой чиновник.

– Не дождетесь.

– Посмотрим-с.

– А знаете что, откажитесь от меня, Василий Николаевич, право, откажитесь.

– Зачем же? Дело у нас с вашими родителями слажено.

Теперь отказываться поздно-с.

– Ну, я вас прошу! Миленький, добренький, откажитесь! Вы другую найдете, лучше и красивее меня – ведь я дурнушка, рябая, некрасивая. Право, откажитесь.

– Полноте шутить.

– Я серьезно говорю вам. Подумайте сами, какой же это будет брак без любви!

Но сколько ни убеждала Надя своего жениха отказаться, он остался непреклонен.

Дуров и его жена тоже не вняли мольбам дочери не выдавать ее замуж.

Свадьба Нади была отпразднована в Сарапуле 25 октября 1801 года.

Пылкая, эксцентричная натура Нади была не способна к тихой семейной жизни; мужа она не любила, и рождение сына несколько не изменило ее холодного отношения к Василию Николаевичу. Он, напротив, крепко любил свою жену.

Чернова командировали из Сарапула в другой город, волей-неволей пришлось с ним ехать и Надежде Андреевне Но ей не жилось с мужем, хотелось уйти. Только куда? Да хоть опять в Сарапул, только бы не оставаться при муже. Еще с раннего детства известны были ее твердая воля и непреклонный характер – что она задумала, захотела, уж непременно выполняла. И на этот раз она осталась верна себе: бросила мужа и опять явилась в Сарапул, в отцовский дом.

Надю не страшил разлад с матерью. Она знала, что отец ее любит. Но много пришлось ей вытерпеть от матери и родственников: укоры, попреки сыпались на нее градом. Молчал только один отец.

Надю посылали к мужу, грозили ей; Надежда Андреевна

осталась тверда и не пошла к мужу.

Сам Дуров был часто в отлучке, а без него было плохое житье для Нади.

В ее мечтательной голове давно созрела мысль бежать скорее из отцовского дома, бежать, пока за ней не приехал муж.

И вот Надя привела в исполнение давно ею задуманное.

Она оставляет мужа, отца, мать и близких ей и бежит искать счастья в трудной военной службе. Разные лишения, трудные походы, кровавые битвы ей не страшны; она ищет приключений и к ним стремится.

V

Неожиданное исчезновение из дома Нади причинило великую скорбь ее отцу, матери и близким. Все были убеждены, что она утопилась, так как платье было найдено на берегу реки.

Особенно же убивалась и голосила Никитишна.

Дали знать Чернову; тот немедленно приехал в дом своего тестя.

– Утопилась, утопилась моя дорогая дочь!

Таковыми словами, с глазами полными слез, встретил Андрей Васильевич своего зятя.

– Как, неужели? Господи!

Чернов побледнел как смерть. Он не переставал любить свою жену, хотя и предавался кутежам и пьянству.

– В Каму, сердечная, бросилась – платье Надино на берегу нашли!

– Господи, что же это?

Василий Николаевич заплакал горькими непритворными слезами.

– Да с чего это она решилась на такое дело страшное, с чего? – спрашивает он у тестя.

– Про это один Бог знает.

Дуров рассказал своему зятю, как Надя провела свои именины и как на следующее утро на берегу Камы нашли ее пла-

тье.

– Только вот что странно, – говорил Андрей Васильевич, – и Надин любимый конь, Алкид, неизвестно куда девался...

– Может, она перед своей смертью пустила его на волю, и он ускакал?

– Куда он ускачет? Да и мундир казацкий, который я ей сшил, и ружье с саблей тоже исчезли.

– Может, она в реку побросала?

– Едва ли! До того ли было Наде?

– А вы искали в реке-то? – сквозь слезы спросил тестя бедный Чернов.

– Как же, с раннего утра до позднего вечера... Кажись, все дно перешарили да перещупали, на самое дно ныряли.

– И не нашли?

– Где найти!

– Может, всплывет где-нибудь.

– Я по берегу-то мужиков послал, смотрят...

– Панихидку бы отслужить.

– Служили.

– Да мне бы хотелось... ведь я, какой ни на есть, а все муж

Наденьки.

Бедняга Чернов захлебывался слезами.

– Что же, можно, пошлем за батюшкой.

– Пошлите, тятенька. Господи, какое великое несчастье!

– Да, зятек любезный, великое, страшное несчастье посе-

тило нас.

– Кто бы мог подумать, что Наденька решится на такое дело... У меня и в мыслях никогда не было, что она руки на себя наложит.

– Неожиданно, совсем неожиданно. Одно теперь остается – молиться за Наденьку.

– Да-да, молиться, чтобы Господь простил ее душу грешную.

Чернов отслужил по живой жене несколько панихид, побывал на берегу реки Камы, видел то место, где, по рассказам, нашли платье Нади, поплакал, погоревал и отправился в свой город на службу, вполне убежденный, что его жена утопилась и он теперь остался вдовым.

Да и не он один – многие так решили; только несколько сомневался в этом Андрей Васильевич.

Вспоминая об этом в своих записках, Надежда Андреевна так говорит: «Я не имела варварского намерения заставить отца думать, что я утонула, и была уверена, что он не подумает этого; я хотела только дать ему возможность отвечать без замешательства на затруднительные вопросы наших недальновидных знакомых».

Андрей Васильевич хоть и отыскивал свою любимую дочь Надю... но в ее смерти он не был еще уверен.

VI

Надя решила покинуть гостеприимный дом полковника Смирнова. Она, правда, была уверена, что Галя ничего не скажет про свое открытие, но остаться здесь считала все-таки для себя невозможным.

Она решила уехать тайком, но неожиданный приезд полковника заставил ее отложить на время свой отъезд.

Однажды, выйдя на двор, она заметила там необычайное движение, суету: с полковником приехало несколько офицеров.

Надя направилась в зал и увидела доброго Ивана Григорьевича, окруженного офицерами.

– А, молодой герой, здравствуйте. Ну что, не скучаете? Господа, рекомендую вам этого молодого человека: русский храбрый дворянин! Он будет нашим спутником во время похода, – обратился Смирнов к офицерам, показывая на Надю.

Те радушно стали пожимать маленькую белую ручку Нади своими загрубевшими руками.

– Ну, как вы без меня проводили время? – спросил полковник Александра Дубенского.

– Очень весело, полковник.

– Довольны ли женой моей и Галей?

– Очень! Обе они такие добрые.

– Ну а как наш Дон? Полюбился ли он вам? – с улыбкой

спросил полковник.

– О, очень, очень полюбился. Красив Дон, и еще красивее его берега.

– А ведь нам, молодой человек, скоро придется сказать нашему Дону прости...

– Как так? – спросила Надя.

– Я получил приказ вести свой полк в Гродненскую губернию. Вы поедете вместе с нами?

– Очень, очень рад! – воскликнула Надя.

– Там находится наша армия, и вы можете поступить в любой регулярный полк, а их там много.

– А примут меня? – не скрывая своей радости, спросила Надя полковника.

– Еще бы! Из вас выйдет хороший офицер, я вам это предсказываю.

Казачи скоро выступили.

В начале весны они пришли к берегам Буга. Отдохнув здесь, отправились дальше. Когда достигли города Гродно, полковник Смирнов простился с Надеждой Андреевной. Полк шел к Пруссии, а Дурова осталась в Гродно.

Расставаясь с ней, полковник дал ей совет:

– Определяйтесь здесь в какой-нибудь из формирующихся кавалерийских эскадронов. Еще советую вам быть откровенным с начальником полка, в который вы поступите, и немедленно напишите вашим родителям, чтоб они выслали вам нужные документы – это необходимо.

Надя поблагодарила за совет, простилась с добрым полковником и осталась совершенно одна.

В это время Коннопольский уланский полк для пополнения своего состава вербовал охотников. Надя обратилась к ротмистру полка Казимирскому с просьбой зачислить ее в уланы.

Ротмистр принял ее за мальчика.

– Кто вы? – с удивлением спросил он Дурову.

– Дворянин.

– Вы, должно быть, очень молоды, вам лет пятнадцать;

– Нет, господин ротмистр, мне двадцать.

– Не может быть!

– Уверю вас.

– Вы казак?

– Нет.

– Зачем же вы носите казацкий мундир? – подозрительно поглядывая на Надю, спросил ротмистр.

– Мой отец не хотел, чтоб я поступил в военную службу. Я ушел тайком из дому, присоединился к казацкому полку и пришел с ним сюда.

– Ваша фамилия? – после некоторого молчания спросил ротмистр.

– Дуров.

– Хорошо, Дуров. Я вас принимаю в полк. Надеюсь, вы оправдаете мое доверие.

Радости Нади не было предела.

«Наконец-то моя заветная мечта сбылась. Я – улан. Вот счастье! Теперь надо написать отцу», – думала Надя.

Старик ротмистр с отеческим вниманием отнесся к молодому улану. Он сам учил Надежду Андреевну военным приемам.

Надя выказывала блестящие успехи; ею были довольны и начальство, и товарищи уланы.

С поступлением в уланы для молодой женщины началась совершенно новая жизнь, полная тревог, волнений и деятельности.

«Сколько ни была я утомлена, – пишет Дурова в своих записках, – размахивая каждое утро тяжелой пикой или острой саблей, маршируя и прыгая на лошади через барьер, но полчаса отдохновения – и усталость моя проходит, и я хожу по полям, горам и лесам бесстрашно, беззаботно. Свобода, драгоценный дар неба, сделалась наконец уделом моим навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую в душе, в сердце. Ею проникнуто все мое существо, ею оживлено оно!»

Надю назначили в первый взвод под команду поручика Бошнякова, старого холостяка, человека добрейшей души.

Наде пришлось переменить свой казацкий мундир на уланский. Ей дали саблю и пикку, которая показалась ей тяжелым бревном. Дали шерстяные эполеты, каску с султаном, белую перевязь с подсумком, наполненным патронами. Все это к ней чрезвычайно шло. К сожалению, казенные сапоги мучили ее нежные ноги, не привыкшие к тяжелой обуви. «До

сего времени я носила обувь мягкую и ловко сшитую; нога моя была свободна и легка, а теперь! Ах, боже, я точно прикована к земле тяжестью моих сапог и огромных бряцающих шпор!» – говорит Надежда Андреевна в своих записках.

Коннопольский уланский полк выступал в поход за границу. Он должен был примкнуть к нашей действующей армии, сражавшейся в Пруссии против алчного Наполеона I, покорявшего европейские государства одно за другим.

Великодушнейший из людей, император Александр I, союзник Пруссии, восстал против Наполеона, этого баловня счастья, и решил положить предел его завоеваниям.

Перед выступлением за границу Дурова написала своему отцу письмо, в котором со слезами просила его благословения и прощения.

– Ну, юноша, мы сегодня выступаем, а через несколько дней будем в деле, будем бить французов. Тебе не страшно? – шутливо спросил Надю поручик Бошняков.

– Нисколько, господин поручик.

– Да ведь могут тебя убить,

– Что же, видно, такая моя судьба.

– Молодец, хвалю. Так и поступай, не будь кислятиной. Ты русский дворянин, и дорожи этим!

– Рад стараться, ваше благородие! – по-солдатски отдавая честь поручику, проговорила Дурова.

VII

В 1807 году, 30 мая, при Гейльсберге Дурова в первый раз участвовала в сражении с французами, которые дрались с большим ожесточением. Неприятель превосходил нас силами, сражение было кровопролитное.

Молодая женщина несколько не трусила, очутившись в сражении; ее необычайные присутствие духа и храбрость заставляли невольно удивляться наших воинов.

– Гляньте-ка, братцы, как наш мальчонка саблей помахивает, ровно как настоящий солдат, – проговорил старый улан, выбрав минуту поделиться своими впечатлениями с товарищами.

– Как есть ирой!

– Не по летам храбер!

– Да, не сробеет! Глазенки горят, и смерть ему нипочем.

– Чудеса, да и только!

– Ему и ядра и пули – плевок!

Так переговаривались уланы.

В самом деле Надя была неустрашима. Около нее падали солдаты десятками, сраженные пулями, ядрами и саблями.

Частая ружейная перестрелка, пальба пушек, предсмертные крики, стоны, ржание коней, море человеческой крови – на все это молодая женщина смотрела совершенно спокойно.

Она не пряталась от смерти, но сама смерть ее щадила.

– А наш Дуров заколдован! – проговорил один улан другому, когда сражение на время затихло и обе враждующие стороны, то есть французы и русские, отдышали.

– Ври! – коротко ответил ему другой.

– Верно, заколдован.

– Да разве можно?

– Можно.

– Да как же это?

– Трава есть такая, корень.

– Ну?

– Возьми теперича этот корень и носи его на нитке или на шнурке на шее; какое ни будь кровопролитное сражение – ни одна пуля, ни один сабельный удар тебя не коснется.

– А как теперича достать этот корень?

– Трудно, больно трудно! У колдуньи добывают тот корень.

– У колдуньи?

– Да, у колдуньи, потому что она знает, как его добыть.

– Так, выходит, у Дурова такой корень имеется.

– Знамо.

Этот разговор двух улан случайно услышал денщик поручика Бошнякова Стрела – так прозвали денщика за его быструю ходьбу и за слишком длинные ноги.

Стрела был хороший, услужливый парень, только одна беда – труслив очень, несмотря на то что обладал большим ростом и богатырским сложением. К тому же он был немного

простоват или даже, скорее, глуповат.

Услышав, что существует на свете такой корень, который придает храбрости и охраняет от пуль и сабель, Стрела дал себе слово во что бы то ни стало добыть такой корень.

– А что, дядя, надо иметь целый корень или половинки довольно? – спросил Стрела у старого улана, который рассказывал про таинственные корни.

– Можно и половину... А тебе, Стрела, на что корень-то?

– Я... я так, дядя, спросил.

– Ан врешь... Боязлив ты, значит, в тебе нет иройства – вот ты и задумал добыть корень, чтобы этого самого иройства в тебе прибавилось! – Старый улан громко засмеялся.

– Да нет же, дядя...

Стрела растерялся, его сокровенную мысль узнали другие.

– А ты вот что, Стрела, попроси корешка у Дурова, – посоветовал кто-то из улан денщику.

– Не даст...

– А ты, чудак, попроси... Может, и даст.

– Где там! – со вздохом проговорил Стрела.

Все-таки он воспользовался советом и, улучив удобную минуту, обратился к Надежде Андреевне с такими словами:

– Ваше благородие, я к вам с просьбой.

– С какой, голубчик?

– Явите божескую милость, дайте мне корешка...

– Что? – ничего не понимая, спросила Надя.

– Корешка для храбрости дайте!

– Я, голубчик, тебя не понимаю.

– Говорят, у вас есть такой корень, что храбрость придает, от пуль и сабель охраняет, – пояснил Стрела.

– Что такое, повтори! – с удивлением проговорила молодая женщина, широко раскрыв свои красивые глаза.

Стрела повторил.

– Не верь товарищам, голубчик, уланы над тобой смеются. Никакого я корня не ношу. Да такого и корня нет, который смелость и храбрость придает, – с улыбкой проговорила Надя.

Стрела, однако, не поверил. «Жалко, ему самому надобен, вот и не дает», – решил Стрела и стал выжидать времени, когда можно ему будет завладеть корнем.

Случай скоро представился.

После сражения часть войска для отдыха и ночевки заняла город Гейльсберг.

Поручик Бошняков с денщиком, а также и Надя заняли место в корчме. Поручику и Наде отвели по небольшой каморке или, скорее, по чулану, потому что более чистые комнаты содержатель корчмы берег для более важных и чиновных гостей. В каморке у Нади даже не было кровати, и для спанья положили два снопа соломы. Измученная, уставшая молодая женщина бросилась на солому и скоро заснула богатырским сном.

Бошнякова в это время не было в корчме – он по делам

службы находился в штабе.

Стрела тихо, едва касаясь ногами пола, вошел в чулан, где так сладко спала Дурова; он подкрался к ней, опустил на колени и дрожащими руками стал тихо расстегивать у ней на груди пуговицы мундира. Вдруг Стрела как ужаленный отскочил от спавшей кавалерист-девицы и стремглав выбежал из ее каморки прямо на двор корчмы.

«Вот тебе штука! Вот тебе корень! Ну, чудо! Вместо улана баба оказалась! Чудеса да и только! Уж не оборотень ли это в уланском мундире!» – так рассуждал денщик Стрела, поджидая своего барина.

Скоро пришел в корчму Иван Иванович (так звали поручика Бошнякова) и спросил у денщика:

– А Дуров спит?

– Так точно, ваше благородие.

– Ты не тревожь его, он, бедный, устал.

– То есть она устала, ваше благородие.

– Что ты еще там врешь... Кто такое «она»?

– Дуров, ваше благородие, не мужчина...

– Что такое?... Да ты пьян, каналья?

– Никак нет...

– Ну так с ума свихнулся!

– Никак нет! Истинную правду говорю, что Дуров, ваше благородие, не мужского пола.

– Так кто же он, сказывай, разбойник!

– Девка.

– Что? Дуров – девка?

– Так точно.

– Слушай, чертова перечница, или ты с ума сошел, которого, по правде сказать, у тебя не бывало, или же ты пьян!

– Никак нет.

– Молчать! – сердито крикнул Иван Иванович.

– Слушаю, ваше благородие.

– Пошел вон! Если ты пьян, поди проспись, а если с ума сошел, то окуни голову в холодную воду. Понял?

– Понял, ваше благородие.

– Ну, пошел, дурак!

– Слушаю.

– Стой. Скажи, дурацкая образина, с чего ты взял, что Дуров не мужчина, а женщина?

– Прикажете доложить?

– Докладывай. А, впрочем, не надо – ведь соврешь нескладно! Пошел к черту, я спать хочу!

– Слушаю, ваше благородие.

Стрела хмуро вышел из горницы. Поручик, сбросив с себя мундир, поспешно лег на кровать, но заснуть он, несмотря на страшную усталость, не мог.

«Дуров – женщина! Ведь вот что, дурачина, выдумал! Разве женщины могут быть так бесстрашны... Дуров герой, положительно герой! Женщина от ружейного выстрела в обморок падает, а ему и пушечная пальба нипочем», – раздумывал Иван Иванович, ворочаясь на жесткой постели.

Хоть он и не поверил словам своего денщика, но все-таки стал сам наблюдать за Надеждой Андреевной. Теперь с каким-то особым вниманием смотрел он на маленькие ручки Дуровой, когда она отдавала честь своему ближайшему начальнику.

VIII

Сражение русских с французами, происшедшее близ Гейльсберга, было весьма кровопролитно. В этом сражении особенно отличался своею храбростью князь Багратион, будущий герой 1812 года: под ним была убита лошадь, пули дождем сыпались около него. Багратиона предупреждали, говорили ему, чтоб он оставил опасное место, но герой не отошел ни на один шаг.

Маршал Мюрат атаковал Багратиона с фронта, Сульт тоже страшно его теснил, так что Багратиону пришлось отступить. Французы преследовали наших – произошел рукопашный бой.

Французами руководил сам Наполеон, но все-таки победа была на нашей стороне. Французы не выдержали, атакованные с фронта князем Горчаковым и генералом Дохтуровым. В этом сражении старая гвардия Наполеона почти вся пала. У Наполеона выбыло из строя при Гейльсберге убитыми и ранеными более 13 тысяч человек; много было взято в плен. В числе победных трофеев русскими взят полковой орел.

Раненых и убитых с нашей стороны было около 6 тысяч человек.

Русский главнокомандующий Бенигсен со своей армией направился к Фридланду; город был занят французами.

Ротмистр Бошняков (его произвели за храбрость из по-

ручников в ротмистры) получил приказание с пятью эскадронами улан вытеснить из Фридланда неприятеля. Бошняков первым устремился в город; от него не отставала и Надежда Андреевна.

– Милый юноша, у тебя небось душа ушла в пятки? – с улыбкой спросил у Дуровой Иван Иванович.

– Отчего?

– От страха.

– Нисколько.

– Юноша, ты – герой.

– Полноте, ротмистр, какой я герой!

– Право, герой! А знаешь, что мой денщик-дурак про тебя говорит?

– Что?

– Будто ты баба.

– Вот как?..

Дурова едва могла скрыть свое смущение.

– Каков дубина, что выдумал? Ты – герой, а он вздумал уверять, что ты не мужчина, а женщина.

– Станный он.

– Кто?

– А ваш Стрела.

– Дурак, трус! Давно бы его прогнать следовало, да привык к подлецу – вот и держу.

Ротмистр Бошняков во главе эскадрона въехал первым на мост; за ним была Дурова.

– Иван Иванович, мост-то ведь разобран посредине, – проговорила Дурова.

Она было поскакала вперед на своем Алкиде, но принуждена была вернуться.

– Как? Не может быть! – удивился ротмистр.

– Уверяю вас.

– И то, и то. Ах черти!

– Что же нам делать?

– А вот что.

Бошняков взял доску и, несмотря на то что его осыпали пулями, перебросил ее через пролом и в сопровождении Дуровой, трубача и нескольких улан, перебежал на ту сторону моста.

Храбрецы-уланы со своим ротмистром кое-как поправили мост, по которому свободно перебравшись пять эскадронов улан.

Они ворвались в город и после кровавой схватки вытеснили французов, взяв в плен несколько офицеров и солдат.

На другой день при Фридланде произошло большое сражение, которое решило войну.

2 июня 1807 года, едва занялась заря, уже открылась беспрерывная перестрелка в передовых цепях у Фридланда, на берегах маленькой речки Алле.

Силы были неравны. Французским войском командовал гениальный Наполеон, а русскими солдатами руководил больной, страшно ослабевший главнокомандующий Бениг-

сен. Он страдал каменной болезнью и едва мог сидеть на лошади.

Еще до рассвета Наполеон, окруженный своими маршалами, объезжал позиции в своем историческом походном сюртуке и треуголке. Французы громкими криками его приветствовали.

Вот показалась первые лучи восходящего солнца, и началось жаркое сражение; особенно кровопролитно было оно на нашем левом крыле, у густого леса.

Здесь находился эскадрон улан ротмистра Бошнякова; тут же была и неустрашимая Надежда Андреевна.

В одной из схваток она слегка была ранена в руку, причем показалась кровь. Это заметил Бошняков:

– Дуров, ты ранен?

– Нет, ротмистр.

– Как нет, на руке кровь!

– Пустая царапина.

– Молодчина! Экий скотина Стрела! Что выдумал сказать!

В полдень французы приступили к Фридланду; началась ужасная канонада.

Бенигсену не было больше возможности оставаться в Фридланде, и он отдал приказ войску отступить на правый берег Алле.

Согласно этому распоряжению Багратион отдал приказ арьергарду отступить. Едва только наши солдаты тронулись,

как залп из двенадцати пушек потряс воздух. Это послужило сигналом маршалу Нею начинать атаку. Багратион переменял фронт левым крылом назад. Русские батареи встретили французов частой картечью; неприятель дрогнул и смешался.

Но успех наших войск был только мимолетным; французская артиллерия открыла убийственный огонь, картечь вырывала целые ряды наших солдат. Произошло смятение.

Наши генералы Багговут и Жарков были сильно ранены. Багратион зажег предместье Фридланда и стал переправлять войска за реку Алле; но к одному несчастью присоединилось другое – мосты, по которым должны были проходить наши войска, были по ошибочному приказанию зажжены. Солдаты кидались в реку, стараясь переплыть на другую сторону, многие из них потонули. Войска шли вброд под страшный рев батарей.

Перейдя реку, наша армия отступила к Велау. Убито и ранено было наших около 20 тысяч человек.

Нелегко досталась Наполеону победа под Фридландом: русские солдаты дрались как львы и дорогой ценой продали победу. Много было убито и ранено под Фридландом французских солдат.

Кавалерист-девица Дурова в этом сражении показала чудеса храбрости и неустрашимости.

IX

Про сражение при Фридланде Надежда Андреевна так вспоминает в своих записках:

«В этом жестоком и неудачном сражении храброго полка нашего легло более половины! Несколько раз ходили мы в атаку, несколько раз прогоняли неприятеля и, в свою очередь, не один раз были прогнаны! Нас осыпали картечами, мозжили ядрами, а пронзительный свист адских пуль совсем оглушил меня».

После жаркого сражения от Коннопольского полка осталось менее половины; солдат отпустили на несколько времени для отдыха.

Пользуясь этим, Дурова поехала посмотреть, как действует наша артиллерия. Пули свистали вокруг головы храброй женщины, но она мало обращала внимания на то, что ее могут ежеминутно убить.

Случайно наткнулась она на какого-то раненого офицера, которого всей своей тяжестью придавила убитая лошадь. Он был молод, красив собой. Наде стало жаль его.

Она пробовала было вытащить его из-под лошади, но на это у ней не хватило сил.

– Вы тяжело ранены? – с участием спросила она офицера.

– О да... Я очень страдаю.

– Бедный!.. Куда вы ранены?

– В правое плечо... Помогите мне.

Наконец Наде с большими усилиями удалось освободить раненого офицера.

– О, как мне благодарить вас! – с чувством проговорил молодой офицер, приподнимаясь с помощью Нади.

– Какие тут благодарности. Я очень рад, что мне удалось вам помочь.

– Если бы не вы, я умер бы под лошадью.

– Вашу рану надо перевязать.

– Где тут перевязывать, да и кому?

– Погодите, я завяжу покуда своим платком.

Дурова носовым платком кое-как перевязала рану молодого офицера.

– Скажите мне ваше имя и фамилию? – спросил офицер у Нади, когда перевязка была окончена.

– Зачем вам?

– Как зачем? Я должен знать имя своего благодетеля.

– Полноте, что вы!

– Скажите, прошу вас.

– Меня звать Александром, по фамилии Дуровым.

– А по отчеству?

– Отца моего звать Василием.

– У меня, Александр Васильевич, большие связи в Петербурге, я могу вам быть во многом полезен.

– Благодарю вас! Теперь вы, в свою очередь, скажите мне ваше имя?

– Я – князь Дмитрий Михайлович Шустов, – не без некоторой гордости ответил Дуровой молодой офицер.

Надя слышала про именитый род князей Шустовых и про их богатство.

– Как, вы князь Шустов?

– Да... вы удивлены?

– Нисколько!.. Я очень-очень рад знакомству с вами, князь. Но нам надо идти.

– Куда?

– Я провожу вас на перевязочный пункт.

– Но ведь нас убьют дорогой – французы угощают нас адским огнем.

– Не робейте, князь.

– Нисколько не робею, но мне только не хочется быть убитым. Я так еще молод.

– А сколько вам лет, князь?

– Двадцать два. А вам?

– Двадцать.

Князь Шустов ослабел от потери крови и едва мог идти.

– Вы устали, бедный! Садитесь на мою лошадь, – предложила Надя раненому.

– А как же вы?

– Я пойду рядом.

– Какой вы добрый.

Дурова помогла сесть молодому князю на своего Алкида, а сама пошла пешком.

Несмотря на страшную перестрелку, они благополучно добрались до временного лазарета, где князю Шустову перевязали рану.

Пуля только слегка ранила плечо, не коснувшись костей, но все-таки правой рукой раненый не мог владеть; ему посоветовали до выздоровления остаться в лазарете.

Он дружески простился с Дуровой, горячо поблагодарив ее.

Надя, простившись с князем и дав ему слово навестить его в лазарете, отправилась к своему полку и получила выговор от начальства за продолжительное отсутствие.

Но вместе с выговором получила от начальства большую похвалу за свою отвагу и неустрашимость.

X

Император Александр, находясь в Петербурге, получил донесение от главнокомандующего Бенигсена о фридландском сражении.

Кратко означая ход битвы, Бенигсен доносил государю между прочим, что он отступает за Прегель, где будет держаться оборонительно до прихода ожидаемых им подкреплений.

Бенигсен, не желая огорчить государя, многое скрыл, стараясь в своем донесении несколько смягчить наше поражение под Фридландом.

Он считал необходимым вступить в переговоры с Наполеоном, чтоб этим выиграть время для пополнения потерь, понесенных армией.

Государь, несмотря на советы приближенных, не хотел вступать в переговоры с Наполеоном и думал продолжать войну; но наш министр иностранных дел Будберг, считал, что если не мир, то перемирие необходимо.

Император Александр скрепя сердце принужден был согласиться на перемирие и немедленно послал на имя главнокомандующего Бенигсена рескрипт, где среди прочего говорилось:

«Если у вас, кроме перемирия, нет другого средства выйти из затруднительного положения, то разрешаю вам сие, но

с условием, чтобы вы договаривались от имени вашего. Отправляю к вам князя Лобанова-Ростовского, находя его во всех отношениях способным для скользких переговоров. Он донесет вам словесно о данных ему мною повелениях».

Со стороны Наполеона для переговоров о перемирии назначен был маршал Бертье.

Начав переговоры о перемирии, доверенный государя князь Лобанов-Ростовский предупредил маршала Бертье, что при всем желании мира император Александр не примет оскорбительных достоинству его условий и тем более не потерпит самомалейшего изменения в границах России.

Бертье уверил нашего уполномоченного, что об этом не может быть и речи.

Перемирие сделали на месяц, определив границей обеих армий берег Немана, от Бреста по Бугу.

Князь Лобанов-Ростовский любезно приглашен был Наполеоном к обеду. В то время Наполеон находился в Тильзите.

– Очень рад, князь, вас видеть и еще рад тому, что между мной и императором Александром, которого я глубоко уважаю, заключен мир, – такими словами встретил Наполеон нашего уполномоченного.

– Не мир, ваше величество, а только перемирие, – возразил Лобанов-Ростовский.

– От перемирия к полному миру только один шаг. Я надеюсь, мир будет заключен, и надолго.

– Дай бог!

– Мне не хочется воевать с императором Александром!

Признаюсь вам, князь, нелегко досталась мне победа под Фридландом – ваши солдаты дрались геройски. Император Александр счастлив, что имеет такую славную армию.

– Похвала вашего величества и радует меня, и придает мне гордости.

– Да-да, ваша армия – великая армия. Повторяю, князь, я рад миру. Да и зачем нам воевать? Я от души желаю находиться в дружбе с императором Александром. О, если бы мне соединиться с ним – тогда весь мир был бы наш. На земле было бы только два государя: я и Александр, – проговорил Наполеон, с обычным ему хвастовством.

За обедом Наполеон пил за здоровье императора Александра; он был весел, говорлив до бесконечности, не раз повторял о своей преданности нашему государю. Он уверял Лобанова-Ростовского, что взаимная польза обеих держав, то есть России и Франции, требует союза; что он не имел никаких видов на Россию и что естественной границей России должна быть река Висла. С побежденной Пруссией Наполеон тоже заключил перемирие.

Не радовалась этому перемирию наша храбрая армия: солдаты сгорали желанием отомстить французам за своих павших в бою товарищей.

XI

Городничий города Сарапула ротмистр Дуров, его жена и семейные, а также чиновник Василий Чернов, муж Надежды Андреевны, так и решили, что Надя утонула в реке Каме и не одну панихиду отслужили они за упокой «утопленницы».

Однажды Андрей Васильевич, печально понутив голову, сидел у открытого окна в своей горнице; мысли невеселые, нерадостные бродили в голове старого ротмистра и не давали ему покоя.

Думал он о Наде, о своей милой дочке, о ее трагической кончине, и слезы, незваные-непрощенные, одна за другой струились по его лицу.

Не одно было горе у Андрея Васильевича: жена его, Марфа Тимофеевна, в то время сильно хворала и близка была к смерти.

– О чем, ваше благородие, стосковались? – подходя к окну, робко спросил Дурова Астахов.

Старик-гусар жил в его доме на покое.

Ротмистр, помня долгую и верную службу Астахова, под старость освободил его от всяких обязанностей, дал ему отдельную комнату, обед и ужин посылал со своего стола и обходился с ним по-родственному.

Дуров делился со стариком и своей радостью, и своим горем.

В то время когда Надя ушла из родительского дома, Астахов был в отлучке или, скорее, в отпуске, на родине. Когда он вернулся и узнал, что его любимица-барышня утонула, он несколько дней плакал, ходил в церковь служить панихиды и по нескольку раз в день расспрашивал старушку-няньку Нади о том, как и при каких обстоятельствах на берегу Камы нашли платье барышни.

– Скучно, брат Астахов, больно скучно! – ответил старику-гусару Андрей Васильевич.

– Верно, по Надежде Андреевне скучаете?

– Отгадал, старик, по ней.

– Молиться за нее надо, ваше высокоблагородье, а не скучать, – наставительным тоном промолвил Астахов.

– И то молюсь.

– Добрые дела в память утопленницы надо делать, нищую братию не забывать.

– По силе и возможности подаю милостыню...

– И подавайте, ваше высокоблагородье, милостыня Христова всяк грех искупляет.

– Ох, Астахов, одно горе другим погоняет... жена у меня при смерти.

– Что поделаешь, ваше высокоблагородье? Божья воля!..

– Известно, на все Божья воля, – со вздохом проговорил Андрей Васильевич.

Ротмистру подали только что полученное письмо. Он взглянул на адрес, побледнел, дрожащими руками распеча-

тал конверт, и крик радости и удивления вылетел из его груди.

Его дочь, которую он считал утонувшей, жива! Она пишет любимому отцу, что жива, здорова и служит в уланском полку под фамилией Александра Дурова.

– Жива, жива!... Господи, благодарю Тебя!

– Кто, кто?

– Да Надя жива!

– Как?.. Неужели?

– Жива, здорова и служит в уланах. Вот какова у меня дочурка-то... Слушай!

Задыхаясь от радости, счастливый Андрей Васильевич стал читать вслух полученное от Нади письмо.

Старик-гусар весь обратился в слух.

Когда ротмистр окончил чтение, Астахов усердно перекрестился и со слезами на глазах проговорил:

– Жива голубушка, а я панихиды по ней служил.

– Не один ты, старик! И все мы считали Надю утонувшей и служили по ней панихиды.

Андрей Васильевич поспешил поделиться радостью с больной женой.

– Марфуша, знаешь, с какой я радостью? – весело проговорил ротмистр, подходя к постели Марфы Тимофеевны.

– С какой? – слабым голосом спросила больная.

– Уж не знаю, говорить ли?

– Да говори...

– Ты только, пожалуйста, не волнуйся, это тебе вредно...

– Ох, говори же!

– Надюша жива.

– Как? Неужели?

– Прислала письмо, просит у тебя благословения. Служит

Надюша в уланском полку, на хорошем счету начальства, – рассказывал жене Андрей Васильевич.

И он стал читать письмо. Но несчастная Марфа Тимофеевна не слушала – она была мертва.

– Какова у нас с тобой дочурка-то, а? Героиня, вторая Жанна д'Арк... Марфуша, ты слушаешь?

Дуров поглядел на жену и, страшно побледнев, схватил ее руку – рука была холодна; приложил руку к сердцу – оно не билось.

– Марфуша, Марфуша! – со стоном вырвалось из груди у Андрея Васильевича.

И бедный Дуров без чувств упал у постели дорогой покойницы.

Вероятно, с Марфой Тимофеевной от страшного волнения произошел во время чтения письма паралич сердца, и смерть ее была мгновенная.

Так или иначе, только неожиданное письмо дочери было для больной матери роковым, как об этом вспоминает сама кавалерист-девица в своих записках.

XII

Смерть жены повергла Андрея Васильевича в страшное горе, близкое к отчаянию. Он остался с большой семьей на руках.

Дуров стал повсюду разыскивать свою дочь Надежду. Но найти ее было нелегко. Надя не написала отцу, в каком именно полку она служит.

Андрей Васильевич делал запросы во многие полки, не числится ли его дочь на службе под именем Александра Дурова, и получал отрицательные ответы.

Тогда Андрей Васильевич по совету своего старшего сына Николая подал прошение в 1807 году на высочайшее имя о возвращении ему дочери Надежды, по мужу Черновой, которая по семейным несогласиям принуждена была скрыться из дома. Прощению дан был надлежащий ход: сделали запросы во все полки, и вот в одном из них, в Коннопольском уланском, нашелся рядовой, который был принят в полк под именем Александра Дурова.

По высочайшему повелению Надю приказано было доставить в Петербург.

Теперь ей более уже нельзя было скрывать, что она женщина, — эта тайна была уже открыта. Почти всем было известно, что в рядах армии в уланском мундире скрывается женщина.

Главнокомандующий русской армией граф Буксгевден потребовал ее для объяснения.

Добряк-поручик Бошняков ахнул от удивления, когда узнал, что в его взводе состоит на службе женщина:

– Ну, диво! Беспрецедентный случай! Кавалерист-женщина!

– Что, ваше благородие, говорил я вам, говорил! Не слушали тогда, – упрекал Стрела своего барина.

Денщик торжествовал – его предположение оправдалось.

– Что ты говорил мне? Что? – крикнул с сердцем на денщика Иван Иванович.

– Чай, помните?

– Стану я помнить всякие глупости. Ведь умного ты ничего не сказал.

– Ан вот и сказал!

– Да что, дубина?

– Говорил, что Дуров – девка, так вот и вышло. А вы не верили, ругались...

– Ну-ну, ладно! Пошел, приведи его.

– Кого?

– Ну его... Дурова.

– Не Дурова, а Дурову, – поправил Стрела своего барина.

– Ну Дурову, черт тебя возьми! Пошел! – прикрикнул на денщика Иван Иванович.

– Слушаю-с.

Стрела поспешно удалился.

– Вы звали меня, Иван Иванович? – ничего не подозревая,

спросила Надя, входя к поручику.

– Звал-с! Прошу присесть.

– Я и постоять могу.

– Нет уж, садитесь...

Иван Иванович указал Наде на стул. Она была удивлена любезностью поручика.

– Господин Дуров, то есть нет... госпожа Дурова...

Иван Иванович замолчал. Он немного растерялся и не знал, что ему говорить далее.

Надя побледнела; она поняла, что ее тайна теперь открыта.

– Что вы говорите, Иван Иванович?

– А то говорю-с, что начальству известно, кто вы...

– Как? Неужели?!

– Да-с, известно...

– Но как? Как могли узнать? – с отчаянием проговорила молодая женщина.

– Про это я ничего не знаю-с. Я не подозревал, не догадывался... Мой денщик Стрела в этом отношении дальновиднее меня: он с первого взгляда определил, что вы не мужчина, а женщина... Он даже сказал мне это, но я не поверил, изругал его, чуть не побил... Но не в том дело. Главнокомандующий приказал вас доставить к нему на главную квартиру.

– Зачем?

– Не знаю-с. А оттуда вас повезут в Петербург. Государь император пожелал вас видеть.

– Боже мой!

Надя побледнела и закрыла лицо руками.

– Вам особенно бояться нечего... Ваша неустранимость и аккуратность по службе служили нам примером-с. Не порицать вас надо, а хвалить-с. Наш полк будет гордиться, что вы были в его рядах, – быстро, не переводя духа проговорил старый поручик.

– Иван Иванович, какой вы добрый, милый!

Надя с чувством пожала руку Бошнякова.

– Когда же я должна ехать? – спросила она.

– Сейчас же, немедленно.

– Я должна проститься с вами, с полком... надолго, а может быть, и навсегда, – сквозь слезы проговорила Надя.

– Что делать!.. Так начальство приказывает.

Молодая женщина трогательно простилась со своими сослуживцами; весь полк провожал ее.

В день своего отъезда Надя зашла в госпиталь проститься с князем Шустовым. Он все еще находился в госпитале. Рана его была хоть и неопасна, но требовала продолжительного лечения.

– Как, вы уезжаете? – грустно спросил князь.

Ему неизвестна была последняя новость, он по-прежнему принимал Надю за мужчину.

– Еду.

– Зачем и куда?

– В Петербург. Впрочем, прежде поеду к главнокоманду-

ющему.

– Но зачем? Зачем?

– Вы все узнаете, князь, только не теперь.

– Разве у вас есть какая-нибудь тайна?

– Да, князь, есть.

– Но где мы с вами увидимся?

– Где-нибудь увидимся, князь. Гора с горой не сойдется, а человек с человеком когда-нибудь сойдутся.

Князь Шустов обнял и поцеловал Надю.

Она в тот же день уехала в Витебск, где находилась главная квартира генерала Буксгевдена.

XIII

Вскоре после фридландского сражения Дурова в числе других была свидетельницей того знаменательного момента, когда на Немане, близ Тильзита, император Александр I протянул руку примирения императору французов Наполеону I. Произошло это в 1807 году, в полдень, 7 июня.

Местом свидания императоров избрана была «нейтральная почва», а именно плот посреди Немана, разделявшего русскую армию от французской.

На плоту были построены два четырехугольных, обтянутых белым полотном и украшенных коврами и национальными флагами павильона; один павильон предназначен был для императоров, другой – для их свиты. На фронтонах зеленой краской были начерчены две буквы: обращенное к нашей стороне огромное «А», и «N», обращенное к Тильзиту. По обоим берегам Немана были расположены русская и французская армии в парадной форме.

День был прекрасный, солнечный. Мундиры и оружие ярко блестели на солнце. Надя с нетерпением поглядывала вдаль, на дорогу, по которой должен был прибыть император Александр. Она сторала желанием взглянуть на обожаемого войском и народом монарха.

– Дуров, что так пристально смотришь? – спросил Надю поручик Бошняков, заметив, что «молодой улан» не спуска-

ет глаз с дороги.

– Не хочу пропустить момент, когда появится государь.

– А ты прежде никогда не видел государя?

– Никогда, господин поручик! Я буду почитать этот день счастливым. Я увижу царя ангела, как называют императора Александра наши солдаты и народ.

– Он и на самом деле такой.

– Государь, государь! – слышались сдержанные возгласы между рядами войск.

Верхом на лошади, окруженный свитой, показался император Александр. На нем был генеральский мундир Преображенского полка, через плечо Андреевская лента, на голове треугольная шляпа с черным султаном и белым плюмажем по краям, на ногах белые лосиные короткие ботфорты.

С государем прибыли цесаревич Константин Павлович и король прусский Фридрих-Вильгельм.

Громкими и долго не умолкавшими криками «ура!» приветствовала наша армия своего государя. При взгляде на доброе, кроткое лицо обожаемого монарха Надя не могла скрыть своих слез – слез радости и счастья.

– Барчук, ты плачешь? – спросил Надю старый бравый улан.

– Да, плачу слезами радости и счастья – я увидел государя, – с чувством ответила улану молодая женщина.

– Это точно! Хоть кого слеза прошибет, когда взглянешь на нашего царя-батюшку, на его лицо ангельское.

Вот что Дурова говорит в своих записках о наружности императора Александра.

«Государь наш – красавец, в цвете лет; кротость и милосердие изображаются в больших голубых глазах его, величие души – в благородных чертах и необыкновенная приятность на румяных устах его! На миловидном лице молодого царя нашего рисуется вместе с выражением благодати какая-то девическая застенчивость. Государь проехал шагом мимо всего фронта нашего; он смотрел на солдат с состраданием и задумчивостью. Ах, верно, отеческое сердце его обливалось кровью при воспоминании последнего (фридландского) сражения!»

На другом берегу величественного Немана тоже раздались приветственные крики – это прибыл Наполеон. На нем был неизменный серый сюртук с лентой Почетного легиона через плечо и треуголка; его окружали почетный конвой и свита.

В одно и то же время Александр и Наполеон сели в лодки и поплыли к павильонам.

Когда разукрашенные лодки отчалили от берега, громкие клики потрясли воздух на обоих берегах Немана.

Почти в одно и то же время оба императора подплыли к павильонам и вошли на плот. Вопрошающим взглядом посмотрели они один на другого, молча подали друг другу руки и вошли в павильон; двери за ними плотно притворились.

Благодаря свиданию на Немане произошло сближение

двух великих империй.

Своей любезностью и предупредительностью Наполеон просто очаровал Александра.

Между тем как русский и французский императоры об-суждали в павильоне политические дела, прусский король Фридрих-Вильгельм не был допущен на конференцию, от которой зависела судьба его династии; он все время оставался на берегу, сидя верхом на коне.

Совещание двух великих монархов длилось более двух часов.

Второе свидание Александра с Наполеоном происходило тоже на Немане; на этот раз при беседе двух императоров находился и Фридрих-Вильгельм, король прусский.

Город Тильзит был объявлен нейтральным и разделен на две части: одну часть его заняли русские, другую – французы.

Император Александр прибыл в Тильзит 15 июня и встречен был Наполеоном на берегах Немана с большим почетом.

Александр и Наполеон жили в Тильзите в близком расстоянии друг от друга; обедали они вместе и каждый день прогуливались или делали смотры.

Почти всякий день вечером можно было видеть на городских улицах двух императоров, которые, гуляя, вели между собой оживленную беседу. Александр был в генеральском мундире, а Наполеон – в своем историческом сером сюртуке.

Все обещало прочный союз России с Францией.

Все пункты договора, лично условленные Александром и Наполеоном, были скреплены формальным договором, составленным в Тильзите с нашей стороны – князьями Куракиным и Лобановым, а со стороны Франции – Талейраном. Главные статьи договора заключались в следующем: Пруссия обязалась заплатить Франции с лишком пятьсот миллионов франков контрибуции и теряла около четырех миллионов жителей, которые переходили к Франции.

Хоть этот договор и тяжел был для Пруссии, но все-таки спас ее от окончательного падения. Наполеон хотел было Пруссию отдать кому-нибудь из своих приближенных друзей, а несчастному королю Фридриху-Вильгельму оставить только одну корону, но император Александр вступился за Пруссию.

По окончании договора в Тильзите были устроены в честь Александра и Наполеона балы и различные увеселения. Мир между двумя могущественными державами, казалось, был упрочен надолго... Но это только казалось.

Этот мир был непрочен, скоро произошел опять разрыв между императорами Александром и Наполеоном, следствием чего и была Отечественная война, покрывшая вечной славой русского царя и весь русский народ.

XIV

Граф Буксгевден, главнокомандующий русской армией, заступивший место Бенигсена, принял Дурову довольно ласково.

– Здравствуйте, герой или героиня! Не знаю, как и называть вас, – с улыбкой проговорил главнокомандующий, поглядывая на Надю.

– Здравия желаю, ваше сиятельство! – по-солдатски громко проговорила молодая женщина.

– Где же у вас сабля?

При отправлении в главную квартиру у Нади отобрали саблю.

– У меня ее взяли.

– Разве вы под арестом? Я прикажу возвратить вам саблю – солдат никогда не должен оставаться без оружия. Скажите, сколько вам лет?

– Двадцать, ваше сиятельство.

– Я много слышал о вашей храбрости; начальство отзывается о вас с хорошей стороны. Обо всем этом я сделаю донесение государю.

– Я не найду слов благодарить вас.

– Вы не боитесь ехать в Петербурга?

– Откровенно скажу вашему сиятельству – боюсь.

– Совершенно напрасно.

– Я того боюсь, ваше сиятельство, что государь прикажет отправить меня домой, к мужу...

Надя покраснела, и на глазах у ней выступили слезы.

– Не бойтесь, государь наш очень милостив и очень великодушен. Вы это увидите сами.

– Я боюсь, мне прикажут снять мундир.

– Поверьте, у вас не отнимут мундира – вы с честью его носили и будете носить. Просите государя оставить вас в рядах армии – он вам не откажет.

– О, если бы так было!

– И будет. Я пошлю о вас донесение самое для вас лестное.

Дурова поехала в Петербург в сопровождении флигель-адъютанта государя Засса, которому поручено было доставить кавалерист-девицу во дворец к государю.

После довольно продолжительного путешествия Дурова приехала наконец в Петербург.

По приезде в Петербург Надежда Андреевна была принята императором Александром.

С каким благоговением и чувством вступила Надежда Андреевна в кабинет обожаемого всем народом монарха и преклонила перед ним колена!

– Встаньте, я рад вас видеть, познакомиться, – раздался тихий, ласкающий голос Александра.

– Государь, ваше величество!..

Дурова хотела что-то сказать, но слезы мешали. То были слезы радости и восторга. Видеть великого из монархов, го-

ворить с ним составит радость всякому.

Она опустила на колени

– Встаньте!

Государь протянул Дуровой руку, чтобы помочь ей встать.

– Я слышал, вы не мужчина? Это правда?

– Правда, ваше величество, – тихо ответила государю Надежда Андреевна, наклонив голову.

– Расскажите мне все подробно: как поступили вы в полк и с какой целью, – проговорил государь.

Он говорил с Дуровой стоя, опершись рукой о стол.

Надя дрожащим голосом в кратких словах рассказала государю историю своей жизни и причину своего поступления в уланский полк.

Император слушал со вниманием. Когда она окончила, государь стал хвалить ее неустрашимость:

– Вы первый пример в России; ваши начальники о вас отзываются с большой похвалой. Храбрость ваша беспримерна, и я желаю сообразно этому наградить вас и возратить с честью в дом вашего отца.

– Будьте милостивы ко мне, ваше величество, не отправляйте меня домой, – проговорила Надя голосом, полным отчаяния, и снова упала к ногам государя. – Не заставляйте меня, государь, сожалеть о том, что в сражении не нашлось ни одной пули, которая бы прекратила дни мои.

– Встаньте и скажите, чего вы желаете.

– Милосердный государь, дозвоьте мне носить мундир

и оружие. Это – единственная награда, которую вы можете мне дать... другой не надо. Государь, я родилась в лагере! Трубный звук был моей колыбельной песней... я страстно люблю военную службу и чуть не с колыбели любила; начальство признало меня достойной носить мундир и оружие. Признайте и вы это, великий государь, и я стану вас прославлять, – тихо проговорила Дурова, смотря на государя глазами, полными слез.

– Если вы полагаете, что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашей наградой, то вы ее получите, – после некоторого молчания проговорил государь.

– Ваше величество! – с радостью воскликнула Надежда Андреевна.

– Вы будете носить мое имя, то есть называться Александром, но не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть беспорочно и что я не прощу вам никогда и тени пятна на нем... Теперь скажите мне, в какой полк хотите вы быть помещены? – спросил император Александр Надежду Андреевну.

– Куда вы, ваше величество, соблаговолите меня назначить.

– Назначаю вас офицером в Мариупольский гусарский полк – этот полк один из храбрейших. Я прикажу зачислить вас туда. Завтра вы получите от генерала Ливена денег, сколько вам надо будет на обмундировку.

Государь подошел к столу, взял с него крест Святого Ге-

оргия и собственноручно вдел его в петлицу мундира счастливой Нади.

Она вспыхнула от радости и в замешательстве схватила обе руки государя и стала их с благоговением покрывать поцелуями.

– Ваше величество! Мой всемилостивейший монарх!.. – заговорила было Дурова, но слезы радости и счастья мешали ей говорить.

– Надеюсь, что этот крест будет вам напоминать меня в важнейших случаях вашей жизни, – проговорил государь.

«Много заключается в словах сих! Клянусь, что обожаемый отец России не ошибется в своей надежде; крест этот будет моим ангелом-хранителем! До гроба сохраню воспоминание, с ним соединенное; никогда не забуду происшествия, при котором получила его, и всегда-всегда буду видеть руку, к нему прикасавшуюся!» – так пишет Дурова в своих записках.

Надежда Андреевна счастливой, довольной вернулась в свое временное помещение в Петербурге; обласканная государем, с Георгиевским крестом на груди и с офицерским чином, теперь почитала она себя счастливейшей в мире.

XV

Во время своего пребывания в Петербурге Надежда Андреевна остановилась в квартире флигель-адъютанта Засса.

Когда Дурова вернулась из дворца в отведенную ей комнату, ей сказали, что ее желает видеть какой-то человек.

– Кто такой?

– Не знаю-с! Чиновник с вашей родины, – ответила Наде дворовая девушка Засса, приставленная к ней для услуг.

«Странно, кто бы это мог быть?» – раздумывала молодая женщина.

– Прикажете впустить?

– Пусть войдет.

К Наде вошел ее муж, Василий Чернов. Он остановился у порога, как виновный, не смея поднять своих глаз на жену.

– Василий! Ты ли? – удивилась молодая женщина.

– Я... я... Наденька... Надежда Андреевна.

– Зачем пришел?

– Повидаться.

– Ведь между нами все кончено.

– Ты – моя жена.

– Да... по имени, по бумагам.

– Я... я любил тебя, Наденька, и теперь люблю.

Язык у Чернова несколько заплетался; идя в дом Засса, он для храбрости зашел в трактир и выпил.

– Ты любил и любишь вино, а не меня...

– Уверяю тебя, Надя, я скучал, плакал, когда ты ушла...

Все мы думали, что ты утонула... А тут мы узнали, что ты живехонька, и я с радости...

– Напился?..

– Эх, Надя, не любишь ты меня!

– Ты это знаешь давно... Еще до нашей свадьбы я говорила, предупреждала тебя... Ты не хотел ничего слушать.

– Я любил тебя.

– Полно...

– Право же, Надя.

– Оставим об этом говорить. А лучше скажи, зачем ты приехал в Петербург?

– За тобой, – совершенно спокойно ответил Чернов.

– За мной?

– Да!.. Поедем домой...

– Вот как!

– Где муж, там должна быть и жена... по закону, по праву.

– Я советую тебе проспать.

– Зачем? Я не пьян... Ты, Надя, собирайся, поедем.

– Куда? – с улыбкой спросила своего мужа молодая женщина.

– Домой.

– Я поеду, только не домой.

– А куда же?

– В полк.

– Опять в полк?.. Нет, зачем же... Домой поедем! – настойчиво проговорил Чернов.

Его робость теперь сменилась грубостью.

– Я – муж... Волей не пойдешь – силой прикажу ехать, – продолжал он.

– Поди вон, ты с ума сошел!

– Ты гонишь мужа.

– Не муж ты мне...

– А кто же?.. Надя, пожалей, ведь я бедствую! Сама знаешь: без хозяйки дом сирота... Прислуга тащит, ворует, порядку никакого нет... хоть живой ложись в могилу.

Чернов заплакал. Дуровой стало его жаль:

– Полно, успокойся, Василий! Постарайся меня забыть и женись на другой.

– От живой-то жены?

– Ты получишь разводную. Я стану просить, хлопотать, и нас разведут.

– Благодарю покорно... утешила.

– Ну, прощай, Василий, ступай.

– Что же теперь делать? Что делать? – голосом, полным отчаяния, проговорил Чернов.

– Ехать домой! – посоветовала ему Надя.

– Один я не поеду... как я без тебя покажу глаза? Твой тятенька наказывал непременно тебя привезти. Поедем, Надя! Если не ради меня, то хоть ради своего старика-отца поедем...

Сколько ни просил, сколько ни умолял Василий Чернов Надежду Андреевну ехать с ним, она осталась непреклонной.

Так ни с чем и пришлось ему вернуться в гостиницу.

На другой день в одном из грязных, дешевых трактиров или, скорее, в харчевне за столом, покрытым грязной скатертью, сидел Василий Чернов.

Напротив его помещалась какая-то сомнительная личность в поношенном платье, с опухшим от водки и багровым лицом, – по всем признакам канцелярист.

– Так ты говоришь, Кузьмич, мне присудят жену возвратить? – спросил Чернов у сидевшего с ним человека.

– Всенепременно, – хрипло пробурчал ему в ответ Кузьмич.

– Заставят ее со мной жить?..

– Разумеется. Ты сам чиновник, закон, чай, знаешь – что Бог сочетал, того человецы не разлучают! – поднимая свой жирный красный палец кверху, важно промолвил Кузьмич и подлил водки из стоявшего против него графина в свой стакан.

– Уж ты, пожалуйста, Кузьмич, устрой мне дельце.

– Сказано...

– Я десяти рублей не пожалею, награжу тебя.

– Ладно. Я просьбу тебе напишу, а ты ее подай в полицию.

Полицейская власть присудит отдать тебе жену для совместного с нею жительства. Понял?

– Понял! Полиция водворит ее силой на жительство ко мне... А как жена, Кузьмич, развода потребует?..

– До развода долга песня!.. Графин-то высох, прикажи наполнить, – выливая остатки водки себе в стакан, проговорил Кузьмич.

Появился другой графин, полный водки. Чернов и Кузьмич продолжали совещаться.

Опустел и второй графин; потребовали третий, совещание все продолжалось. Наконец Чернова и Кузьмича благородным манером попросили о выходе.

Так как ни клиент, ни его адвокат собственными ногами не могли ходить, то хозяин трактира приказал слугам вытащить их обоих на улицу и положить на тротуар.

На улице Чернов немного отрезвился и поехал к себе. Кузьмич, спокойно лежа на тротуаре, богатырски храпел, как будто у себя на кровати.

XVI

Канцелярист Лука Кузьмичев, или Кузьмич, как называл его муж Дуровой, на кляузные и судейские дела был большой дока; законы он знал как свои пять пальцев.

Не пей Кузьмичев, он дошел бы до больших чинов и нажил бы большой капитал.

Но водка сгубила его. Свою служебную карьеру Кузьмичев закончил званием канцеляриста; выгнанный со службы, без копейки в кармане, он принялся писать разные прошения по разным инстанциям за вознаграждение в пять и десять копеек, тем и существовал.

Обещанные Кузьмичеву Василием Черновым десять рублей – награда, о которой ученый канцелярист и думать не мог, – произвели свое действие. Он энергично принялся за дело и дал себе слово во что бы то ни стало заставить Надежду Андреевну жить с мужем. Кузьмичев стал писать прошение за прошением.

Василий Чернов только и знал, что прикладывать руку к этим прошениям. Делу дан был надлежащий ход.

Однажды в дом Засса явился совсем неожиданно полицейский чиновник и потребовал, чтобы Надежда Андреевна дала полиции расписку о невыезде из Петербурга.

– Что это значит? Кто это устроил? – с удивлением спросила Дурова у полицейского.

– Ваш муж.

– Муж?!.

Молодая женщина вспыхнула.

– Да, муж ваш, чиновник Василий Чернов, требует водворить вас в его дом как жену для совместного с ним жительства, – сказал полицейский.

– Это невозможно!

– Ваш муж, сударыня, имеет на это законное право.

– Я стану просить развода.

– Можете, если у вас на это есть причина.

– Теперь я должна остаться в Петербурге?

– Непременно, сударыня.

На слове «сударыня» полицейский чиновник делал ударение и выговаривал его как-то особенно значительно, между тем на Наде был надет военный мундир.

– Но мне надо ехать. Завтра же надо ехать.

– Смею спросить куда-с?

– В полк.

– Вы не поедете, сударыня; вы должны ожидать решения вашего дела.

К Дуровой в комнату вошел Засс. При виде флигель-адъютанта государя полицейский чиновник принял надлежащую почтительную позу.

Надежда Андреевна передала Зассу все.

– Так вот вы зачем! – резко сказал Засс, обращаясь к полицейскому.

– Я по предписанию начальства пришел к жене чиновника Чернова отобрать у нее подписку о невыезде ее из Петербурга.

– К чиновнице Черновой вы пришли? – переспросил флигель-адъютант у полицейского.

– Так точно-с.

– Так вы и ступайте к ней; в моем доме никакой чиновницы нет.

– А это кто же? – растерявшись, спросил у Засса полицейский, показывая на молодую женщину.

– Офицер Мариупольского гусарского полка Александр Дуров.

– Как же это?

– Да просто так; советую вам быть осмотрительнее.

– Виноват-с.

– Можете уходить, делать вам тут больше нечего.

Так ни с чем и ушел полицейский.

А на другой день Дурова ехала на перекладных в полк, куда ее назначил государь.

Дело, начатое Василием Черновым, кончилось тем, что ему приказано было немедленно ехать домой и никакого процесса с женой не начинать.

Волей-неволей пришлось Чернову отказаться от мысли вернуть к себе жену.

XVII

Мариупольский полк находился близ города Луцка; туда-то, по месту своего назначения, и приехал Александр Дуров, вновь произведенный офицер.

Прослужив некоторое время в полку, Надя получила двухмесячный отпуск. Воспользовавшись свободным временем, она поспешила в свой родной Сарапул, к отцу. Ей очень хотелось повидаться с своей семьей.

Прошло более трех лет с того дня, как она покинула дом своего отца.

Приехала Надя в Сарапул в ненастную осеннюю ночь. Ворота родного дома были давно заперты. Отпустив своего возницу, она с саблей и маленьким чемоданом в руках пошла вдоль палисадника к хорошо известному ей месту, где легко вынимались четыре тычины.

«Этим отверстием, – пишет Дурова, – я часто уходила ночью, бывши ребенком, чтобы побегать на площадке перед церковью. Теперь я вошла через него. Думала ли я, когда вылезала из этой лазейки в беленьком канифасном платье, робко оглядываясь и прислушиваясь, дрожа от страха и холодной ночи, что войду некогда в это же отверстие, и тоже ночью, гусаром...»

Окна дома наглухо были закрыты, нигде не видно было огонька; кругом могильная тишина.

Но вдруг эта тишина прерывается громким собачьим лаем: две дворовые собаки бросились было на Надежду Андреевну. Надя подозвала их; собаки примолкли и стали ласкаться, узнав ее.

Молодая женщина вошла в сени и стала стучать в дверь.

– Кто там, кто стучит? – послышался недовольный старушечий голос.

– Я, Никитишна, отопри!..

Надя узнала старуху по голосу.

– Да кто ты?

– Отопри, увидишь.

– Сказывай кто, а то не отопру.

– Да своя, своя.

– Свои у нас все дома и спят давно.

– Я – Надя.

– Ври!..

– Право же, Никитишна...

Наконец старушка решилась отпереть.

Никитишна громко ахнула от удивления и испуга, увидев перед собой Надю в гусарском мундире, подсвечник с горящей свечой чуть не выпал у нее из рук.

– Узнала? – весело спросила старушку Надя.

– Да неужели Надюшка? – все не веря своим глазам, проговорила Никитишна.

– Она самая.

– А ведь я по тебе не одну панихидку отслужила.

– Видишь, я жива и здорова.

– Вижу-то я вижу. А все мне не верится, что ты – Надюшка.

– Обнимай меня, старая, скорей!

– А ты не оборотень?

– Да нет же! – Надя рассмеялась.

– Ну-ка, перекрестись.

– Изволь! – Молодая женщина перекрестилась. – Теперь уверилась, няня?

– Уж очень что-то чудно.

– Что еще такое?

– Одежина на тебе какая-то странная...

– Гусарская.

– Разве ты гусар?

– Гусар, старуха, гусар! Да полно тебе меня морить своими вопросами – соловья баснями не кормят. Я с дороги и пить, и есть хочу.

– Ах, сердечная! Прости! Стара я стала, глупа.

Старушка бросилась обнимать свою выкормленницу.

– Никитишна, с кем ты говоришь? – послышался из горницы голос Андрея Васильевича.

Его спальня находилась близ сенной двери; разговор Нади с Никитишной разбудил его.

– Повыдь-ко, сударь, посмотри, кто к нам приехал-то.

– Кто приехал, что ты врешь?

– А ты повыдь!

Старый ротмистр поспешно надел халат, вышел из своей спальни, и крик радости вырвался у него из груди:

– Наденька!

– Папа... папочка!

Молодая женщина замерла в объятиях своего отца.

Радости и счастьем старого ротмистра не было границ. Не менее его была счастлива и Надя; она целовала у отца лицо, руки и просила прощения.

– Ты, Наденька, ни в чем передо мной не виновна.

– Я, папа, причинила тебе столько горя.

– Все-все забыто. А мать-то твоя не дождалась радости – умерла, сердечная.

– Простила ли она меня? – со слезами спросила у отца молодая женщина.

– Она в последние дни своей жизни молилась за тебя.

– О, я виновница смерти мамы, и мое письмо ее убило.

– Полно, Наденька! Твоя мать умерла от болезни, – старался Андрей Васильевич успокоить свою дочь.

– Мое письмо ускорило ее кончину, – с плачем говорила Надя.

Несмотря на глухую ночь, в доме городничего все поднялись; все необычайно были рады приезду Нади; она перецеловала своих братьев, сестер... и была счастлива в своем семейном кругу.

Но скоро кавалерист-девица стала скучать; она создана была не для семейной жизни; вопросы любопытных знако-

мых смущали ее, надоедали ей, а преследование мужа вывело ее из себя.

Василий Чернов не терял надежды сойтись с женой.

Однажды он явился в дом своего тестя, по обыкновению, под хмельком и стал приставать к Наде, чтоб она шла к нему, угрожая в крайнем случае силой ее взять. Это рассмешило молодую женщину.

– Что же, возьми меня силой, – проговорила она.

– И возьму. Думаешь – не возьму?

– Бери.

– Волей не идешь, так силой пойдешь, – грозился жене

Василий Чернов.

– Где у тебя сила-то? И какая такая сила, любопытно узнать?

– Увидишь!

– Не боюсь я тебя, Василий.

– Побоишься.

– Ты грозить мне задумал?

– А то смотреть буду на тебя!

– Поди вон, ты пьян!

– А ты спроси, с чего пью?

– С горя, что ли?

– Известно не с радости; надо мной все смеются: у тебя, говорят, жена – гусар; вдовцом соломенным называют. Легко ли мне переносить насмешки?

Чернов нашел нужным заплакать.

– Этого еще недоставало. Ах, Василий, баба ты, баба! Ты жалок мне и смешон.

– Смейся, только гляди, чтобы твой смех в слезы не обратился.

– Пожалуйста, не грози! Я говорю, что между нами все кончено.

– Тогда кончится, когда нас разведут.

– Дело о разводе уже начато. Прошу, оставь меня, – недовольным голосом проговорила Надя.

Василий Чернов ушел. Вернувшись домой, он напился еще более и завалился спать.

Теперь он стал совсем пропойцей, гулякой; от службы его уволили. В Сарапуле у Чернова был небольшой домишка; в одной половине он сам жил, а другую сдавал жильцам. Существовал он доходом, который получал с жильцов; доход его был так скуден, что едва хватало на хлеб. Большая часть имущества была продана и заложена.

В доме Чернова был страшный беспорядок; хозяйство было запущено.

Чтобы поправить свои дела, Василий Чернов должен был во что бы то ни стало вернуть жену. Эта мысль не покидала его; он ночей не спал, обдумывая, как примириться с Надей, как ее заставить жить с ним, но после последнего разговора с Надей он потерял всякую надежду.

В Сарапуле у него был один знакомый, которого прозывали Хлопушкой. Это был человек сомнительной нравствен-

ности, промышлявший темными делами, хитрый, пронырливый, несколько раз судившийся за худые дела.

Хлопушка, однако, умел, как говорится, сухим выйти из воды. Он в огне не горел, в воде не тонул.

Хлопушку весь город знал за отъявленного негодяя, и все его боялись.

Не раз городничий Дуров выгонял Хлопушку из города. Выгонит его в одну заставу, а он пройдет в другую. Бился-бился с ним городничий, да так и махнул на него рукой.

Василий Чернов решил посоветоваться с Хлопушкой, просить его содействия и помощи в деле водворения жены. Он позвал к себе Хлопушку и заперся с ним в комнате.

О чем у них шла речь – осталось тайной для всех.

XVIII

Кавалерист-девица, живя в доме своего отца, очень скучала; ее тянуло в полк.

Однажды, чтоб убить как-нибудь время, она отправилась пешком за город.

Надя очень любила эти прогулки. День был морозный, но солнечный; снегу выпало много, и санная езда была в полном разгаре.

Андрей Васильевич предложил Наде, чем гулять пешком, проехаться.

Надя отказалась и пошла пешком.

Она вышла за город и направилась по дорожке, протоптанной пешеходами.

Снег хрустел у ней под ногами; молодая женщина задумалась.

Она и не заметила, как отошла от города верст на пять; далее она не пошла и вернулась назад.

Не доходя несколько до Сарапула, Надя повстречалась на дороге с мужем, который ехал в санях, запряженных парой лошадей; с ним в санях сидели какие-то две не знакомые Наде личности.

– А, жenuшка, здорово! – громко проговорил Чернов.

Он вышел из саней и подошел к Наде.

– Здравствуй! – сухо ответила ему молодая женщина.

– Гуляла?

– Да.

– Домой идешь?

– Домой.

– Садись, подвезу.

– Спасибо, я люблю гулять пешком.

– Садись, говорю, прокачу! Кони лихие!

– Оставь меня! Поезжай с богом.

– Нет, тебя я не оставлю, садись!

– Сказала – не сяду!

– Так насильно посадим! – нахально проговорил Василий

Чернов.

– Что такое? – Надя вспыхнула.

– Сама не сядешь, так посадим.

– Как ты смеешь так говорить!

– Вона! Чай ты мне жена. Ну, садись, не то ведь прикажу молодцам – мигом посадят! – пригрозил жене Василий Чернов.

– Прочь с дороги! Не то стрелять буду!

Надя быстро вынула из кармана небольшой пистолет и прицелилась.

– Ну, барыня-сударыня, ты этой игрушкой не шути! – грозно проговорил бывший вместе с Черновым Хлопушка.

И он, как клещами, схватил за руку молодую женщину. Пистолет выпал у нее из рук.

Василия Чернова кроме Хлопушки сопровождал прия-

тель последнего – Ванька по прозвищу Косой, такой же пьяница и вор, как и Хлопушка.

Чернов уговорился с ними похитить жену; его сообщники стали за ней следить, и вот, воспользовавшись тем, что Надя пошла гулять одна, негодяи напали на нее днем среди дороги.

– Разбойники! Я буду звать на помощь! – стараясь высвободить свою руку, крикнула молодая женщина.

– Кричи сколько хочешь, сударка, никто не услышит. Нука, Косой, помоги мне посадить барыню в сани, – обратился Хлопушка к приятелю.

Сколько ни отбивалась Надя, а принуждена была уступить. Ее силой посадили в сани; с ней сели Хлопушка и Косой и крепко держали ее за руки.

Василий Чернов поместился на облучке и правил лошадьми. Несмотря на то что лошади мчали во весь дух, Чернов беспрестанно погонял их.

Ехали в противоположную сторону от Сарапула.

– Куда ты меня везешь? – спросила Надя у мужа.

– Куда надо! – грубо ответил ей тот.

– Что вы меня держите, не убегу!.. Пустите, – с презрением проговорила Надя и стала вырывать свои руки из рук крепко державших ее негодяев.

– Ты, сударка, не дури, не то свяжем! – погрозил ей Хлопушка.

Надя смирилась; она знала, что эта угроза может быть вы-

полнена.

Отъехали верст тридцать от Сарапула, повернули направо и покатили по проселочной дороге.

Надя была легко одета; ее начинал пробирать мороз, она дрожала всем телом.

– Озябла? – совершенно спокойно спросил у ней Хлопушка.

– Не хочешь ли согреться? У нас водка знатная есть, – предложил ей Косой.

Молодая женщина ничего им не ответила.

– Скоро приедем, успеешь согреться, – промолвил Чернов и стал хлестать лошадей.

Сказал он правду. Скоро вдали показалась какая-то деревенька, расположенная на крутой горе; они въехали в эту деревню и остановились около большой чистой избы, крытой тесом.

– Вот и приехали! – весело проговорил Чернов, выпрыгивая из саней.

Он стал стучать в оконце; на его стук ворота быстро отворились.

Мужик с окладистой рыжеватой бородой, в полушубке на плечах, с поклоном встретил приехавших.

– Добро пожаловать, добро пожаловать! – говорил он, широко отворяя дверь в избу и пропуская Чернова и его жену.

– Здорово, Гаврила, все ли у тебя приготовлено? – спросил у мужика Чернов.

– Все готово: горница вымыта, истоплена и прибрана.

– Ну и ладно!

Изба у мужика Гаврилы имела два отделения, переднее и заднее; в переднем обыкновенно Гаврила проживал со своей семьей только летом, а зимой передняя половина стояла пустой.

Василий Чернов был давно знаком с Гаврилой, который во всей деревне Марфино почитался за первого богатея. Чернов в трудную минуту занимал у него деньги. Гаврила охотно давал ему, помня оказанную Черновым услугу, а услуга состояла в следующем: Гаврила как-то раз уличен был в каком-то проступке. Хоть проступок его был и невелик, но все же его ожидала тюрьма. Василий Чернов стал хлопотать по его делу и совершенно «оправил» Гаврилу.

Гаврила это помнил и старался по возможности оказывать услуги Чернову.

Василий Чернов, задумав похитить свою собственную жену, не нашел лучше места припрятать ее, как у Гаврилы. От Марфина до города далеко, никто не догадается, что Надя находится в избе у мужика Гаврилы, под замком. Разумеется, Чернов предварительно побывал в Марфине и уговорился с Гаврилой, который и отвел для его жены переднюю половину избы.

– Вот твоя временная квартира, – сказал Наде Чернов, входя с ней в избу.

– Ты думаешь здесь удержать меня? – презрительно спро-

сила она у нелюбимого мужа.

– Да, думаю.

– Что же, под замком держать станешь, как невольницу?

– Сама того захотела; волей ты ведь не шла ко мне.

– Так силой заставишь?

– И заставлю.

– Плохо же меня ты, Василий, знаешь! Нет такой силы, нет таких запоров, которые бы меня удержали.

– Посмотрим.

– Ах, Василий, как ты глуп! Как ты смешон!

– Что поделаешь, такой уж уродился!

– И долго ты думаешь держать меня в затворе? – совершенно спокойно спросила кавалерист-девица.

– До тех пор, пока ты не изъявишь согласия жить со мной.

– Ого! Долго же мне придется сидеть под замком!

– Сама виновата!

– Оставь меня, Василий, я спать хочу.

– А ужинать разве не будешь? – заботливо спросил Чернов.

– Спасибо, я сыта.

Выпроводив мужа, Надя заперла дверь на крючок и осмотрела свое новое жилище.

Передняя изба Гаврилы была довольно просторная и чистая; печь находилась за перегородкой, на стенах висели картины, в красном углу на полке стояли иконы, большой стол покрыт был белой скатертью. За перегородкой стояла про-

стая дощатая кровать, покрытая стеганым одеялом, под пологом.

Осмотрев помещение, молодая женщина села к столу.

«Происшествие это напоминает мне французские романы, – думала Надежда Андреевна, – муж похищает свою жену, запирает ее в подземелье замка. Только Василий запер меня не в подземелье, а в избе. Жалкий человек! Воображает, что меня можно удержать, заставить вести семейную жизнь! Глупец, я не рождена для семейной жизни, и если я захочу что сделать, то сделаю; никакие преграды меня не остановят».

Легкий стук вывел ее из задумчивости.

– Кто стучит? – спросила Надя, подходя к двери.

– Я, я, – послышался за дверью голос Чернова.

– Что тебе?

– Если тебе, Надежда Андреевна, что потребуется, то постучи в стену, и к тебе придут.

– Хорошо. Какая предусмотрительность! – Надя засмеялась.

С дороги ее стал одолевать сон; она не раздеваясь легла на кровать и скоро сладко заснула.

Всю ночь ей снились хорошие, сладкие сны.

Кавалерист-девица видела себя во сне на ратном поле на лихом коне... Кругом ее смерть, ад, тысячи жертв, а она невредима... За храбрость и беспримерное мужество ее представляют к высочайшей награде.

XIX

Василий Чернов отпустил своих сообщников, предварительно рассчитавшись с ними.

Хлопушка и Косой в тот же день пропили все деньги, которые получили, и без копейки пешком вернулись в Сарапул.

Сам Чернов остался стеречь свою жену.

Утром Дурова проснулась очень рано; она привыкла вставать чуть не с петухами. Захотела она отворить дверь, но дверь из сеней была заперта на замок, а ключ хранился у Чернова.

Молодая женщина не стала стучать, а подошла к окну и стала в него смотреть. Только что забрезжил свет; в деревне была тишина; крестьяне, пользуясь свободным временем, не торопились рано вставать, чтобы не жечь зря огня.

У Нади явилась мысль вышибить двойные рамы и уйти.

«Но куда я уйду? – рассуждала она. – От деревни до города далеко... Теперь не лето, замерзнешь как раз, а то волки растерзают... Нанять подводу – пожалуй, со мной никто не поедет».

Надежда Андреевна решила выждать более удобного случая к бегству.

В продолжение дня к ней в избу несколько раз входил Чернов; он принес ей обед и чай. Бесконечное число раз он просил и умолял ее примириться и жить с ним.

Наде было противно слушать, и она, не отвечая ему, уходила за перегородку.

Как-то, сидя у окна, она увидела, что мимо избы едет в открытых санях какой-то офицер; молодой женщине удалось хорошо рассмотреть его, так как лошади шли шагом. В офицере она, к удивлению и радости, узнала князя Дмитрия Шустова, которого она во время сражения спасла от неминуемой смерти.

Надя начала громко стучать в окно, чтобы обратить внимание князя.

Она не ошиблась. Князь услышал и приказал своему вознице подъехать к окнам Гаврилиной избы.

Надя быстро выбила стекла из рамы и в разбитое окно, высовывая свою голову, радостным голосом проговорила:

– Здравствуйте, князь!

– Боже, кого я вижу! – воскликнул с удивлением молодой князь.

– Узнали?

– Еще бы! Но скажи, Дуров, как ты очутился здесь?

Он принимал Надежду Андреевну за мужчину.

– Я – в заключении, князь.

– Как? Что ты говоришь?

– Да-да, спасите меня, выручите из неволи, – меня здесь держат под замком.

– Кто осмелился?

– Один родственник.

– Приказывай, что я должен делать, – я весь к твоим услугам.

– Увезите меня отсюда.

– С восторгом.

Князь Дмитрий получил отпуск для поправления своего здоровья и ехал к матери в деревню; по дороге он прожил несколько дней в имении своего товарища, которое находилось недалеко от города Сарапула; возвращаясь оттуда, князь Шустов должен был проехать через деревню Марфино, где совершенно случайно и столкнулся с Дуровой.

Ехал он в сопровождении денщика и двух крепостных слуг; все они были хорошо вооружены.

Князь со слугами вошел в ворота и направился к двери; она была на замке.

Навстречу ему вышли Чернов и Гаврила.

– Как вы смеете держать под замком офицера? – грозно крикнул на них Шустов.

– Никакого офицера мы взаперти не держим, – спокойно ему ответил Чернов.

– Кто же там?

– Моя жена...

– Да он сумасшедший!.. Сбивайте замок! – приказал молодой князь слугам.

Замок был сшиблен; дверь отворена.

– Выходите, Дуров!

Надя поспешно накинула на себя плащ и вышла в сени.

– Едемте! – крикнул ей Шустов.

– Стойте, по какому праву вы увозите мою жену? – загромождавая им дорогу, вне себя от гнева, воскликнул Чернов и схватил лежавший в сенях топор.

– Прочь с дороги! Иначе я застрелю тебя, негодяй!

Князь Шустов прицелился в Чернова.

– Заберите у него топор!

Слуги князя набросились на Чернова, вырвали у него топор, а самого его впихнули в избу и приперли дверь засовом.

Гаврила стоял молча, понутив голову; он боялся и рот разинуть перед важным барином – князем Шустовым.

– Едем же, Дуров! Ты мне дорогой расскажешь, как ты очутился под замком!

Надежда Андреевна, князь Дмитрий и его слуги, никем не остановленные, сели в сани, запряженные лихой тройкой; кони рванулись и понеслись.

Из передней избы мужика Гаврилы вдогонку им понеслись брань и проклятия.

XX

– Ну, Дуров, рассказывай, как это ты угодил в неволю! – весело проговорил молодой князь Шустов, обращаясь к Наде.

– Не теперь, князь! Пожалуйста, не теперь.

– Почему?

– Я очень устал, взволнован.

– Видно, твой родственник – сумасшедший. Он назвал тебя своей женой?..

Надя не могла не покраснеть.

– Да-да, на него находит, – тихо ответила она.

– Еще один вопрос?

– Спрашивайте.

– Зачем он завез тебя в эту деревню?

– Это, князь, целая история! Как-нибудь вам все-все расскажу, только не теперь.

– Хорошо, хорошо.

– Теперь я, в свою очередь, сделаю вам несколько вопросов, – обратилась Дурова к князю Дмитрию.

– Пожалуйста, пожалуйста.

– Как вы попали в деревню?

– Я ехал мимо, – ответил ей Шустов.

– А куда вы ехали?

– К матери в деревню – я получил отпуск; поедem со мной.

– Куда?

– В деревню.

– Мне ехать с вами?

Молодая женщина удивилась.

– Ты удивлен, Дуров?

– Признаюсь.

– Что же тут удивительного, если я приглашаю тебя к себе как приятеля, друга. Надеюсь, ты позволишь мне так называть тебя.

– С восторгом, князь.

– Послушай, не называй меня князем.

– А как же?

– Зови просто Шустов. Итак, едем со мной.

– Это невозможно.

– Почему?

– Мне ехать в незнакомый дом!

– Моя мать будет так рада – ведь ты жизнь мне спас! По-едем же, право, поедем.

Надя в конце концов согласилась, князь Дмитрий уговорил-таки ее ехать с ним в деревню к матери.

Дурова рада была случаю уехать из Сарапула. После истории с мужем она невзлюбила этот город и была не прочь из него уехать; ей только жаль расстаться было с отцом – братья и сестры чуждались Нади, все не могли привыкнуть к ней.

Срок отпуска Дуровой еще не кончился, и она свободно могла ехать куда вздумается.

Дмитрий Шустов заехал в Сарапул.

Надя познакомила его с отцом. Андрей Васильевич очень был рад этому знакомству. Князя Шустовы своим имени-
тым родом и богатством славились по всей России.

Надежда Андреевна сказала отцу о своем желании ехать в гости, в подмосковную усадьбу Шустова.

Этому старый ротмистр немало удивился:

– Как, Наденька, неужели ты решаешься ехать?

– Еду, папа.

– Как будто неловко... ты – женщина и поедешь с молодым офицером, – недоумевал Андрей Васильевич.

– Не забывай, папа, князь не знает, что я женщина; он принимает меня за офицера, за товарища...

– Все же, Наденька, как-то неловко.

– Я решила ехать.

– Что же, поезжай, твоя воля; только обидно, что ты родной дом променяла на чужой.

– Ты не сердись, папа. Скажу тебе откровенно – мне все здесь так наскучило, надоело... и притом недостойный поступок со мной Василия.

– Этому негодяю не миновать тюрьмы. Я его запрячу, непременно запрячу.

– Нет, папа, оставь его в покое.

– Он, как разбойник, напал на тебя, и ты за него просишь!

– Он мне все-таки был мужем... Я прошу тебя, милый папа, оставь его. Лежачего не бьют. Не правда ли, папочка, ты

не сделаешь ничего худого Василию.

Говоря эти слова, молодая женщина целовала руки у своего отца.

– Ну хорошо, хорошо... Какое у тебя, Наденька, хорошее, доброе сердце.

– Солдатское сердце, папа.

Надежда Андреевна нежно простилась с отцом, родными и со старухой Никитишной.

– Едешь?

– Еду, Никитишна.

– Экая ты непоседа, право! Надолго ли едешь-то? – слезливо поглядывая на свою любимицу, спросила старушка.

– Надолго, Никитишна.

– Верно, с тобой я уж больше не увижусь.

– Бог даст, еще свидимся.

– Нет уж, где. Я скоро умру, – печально промолвила старушка.

– Поживешь еще.

– Нет, помру; предчувствие у меня есть.

Это предчувствие не обмануло Никитишну: она вскоре после отъезда из Сарапула Нади тихо скончалась.

Кавалерист-девица уехала с молодым князем Шустовым.

XXI

Верстах в сорока от Москвы на крутом, обрывистом берегу Москвы-реки, находилась богатая родовая вотчина князей Шустовых.

Господский дом, каменный, двухэтажный, построен был знаменитым архитектором-итальянцем наподобие древнегреческих храмов; портик и лестница выложены были мрамором. Широкая мраморная лестница вела из просторной передней во внутренние комнаты. Внутренняя отделка этого дома-дворца поражала своей роскошью и великолепием.

Невдалеке от главного дома находилось несколько домов, в которых жили многочисленные княжеские дворовые.

К господскому дому примыкал огромный разбитый по-английски сад с редкими деревьями, с красивыми цветниками, беседками, затейливыми мостиками, перекинутыми через канавки.

Посреди сада на обширной поляне находился домашний театр, построенный тоже итальянцем-архитектором. В этом театре при жизни старого князя Михаила Ивановича Шустова бывали балет, феерии и даже опера – старик-князь был известный театрал. Из своих крепостных он составил три труппы, драматическую, оперную и балетную, и сам писал драмы и феерии. Бывал он на репетициях и следил за игрой своих доморощенных артистов.

Идя на репетицию, старый князь всегда брал с собой ременную плеть и тут же на сцене пускал ее в ход, собственно-ручно награждая ею провинившихся актеров. Не на плечах одних актеров гуливала княжеская плеть; не миловала она и актрис и фигуранток. Старый князь не давал повадки своим крепостным и строго с них взыскивал за малейшую провинность.

Самого князя давно уже не было в живых, и владелицей огромных имений и подмосковной усадьбы была его жена, княгиня Анна Дмитриевна Шустова.

При Екатерине II Анна Дмитриевна занимала место первой фрейлины; смолоду она была очень красива; даже под старость красота почти ей не изменила. С кончиной императрицы Екатерины Анна Дмитриевна оставила дворец; с ней также вышел в отставку и муж ее, князь Михаил Иванович, занимавший видный пост при блестящем дворе императрицы.

Император Павел I недолюбливал Шустова и несколько не сожалел, что князь оставил службу и поселился в своем подмосковном имении, которое называлось Райки.

Княжеское подмосковное имение отличалось красотой местоположения. От главного входа в дом к воротам с каменными львами шла густая липовая аллея; кругом всего двора и сада тянулся каменный высокий забор.

В версте от княжеской усадьбы находилось большое село с каменным пятиглавым храмом; село, как и усадьба, носило

название Райки.

Княжеские крестьяне жили хорошо: ни оброком, ни барщиной их не теснили; старый князь не давал воли своим приказчикам и бурмистрам, не позволял зря обижать своих крепостных. Со смертью старого князя управление делами перешло в руки родного брата княгини Анны Дмитриевны, Сергея Дмитриевича, отставного полковника Вихарева, который по выходе в отставку, не имея средств к существованию, «пошел на хлеба» к сестре-княгине.

Полковник жил старым холостяком, имел добрую душу и обладал веселым характером.

Житье крестьян по смерти князя не только не ухудшилось, но даже улучшилось.

По смерти своего мужа княгиня Анна Дмитриевна поселилась безвыездно к Райках, но сама она никуда не выезжала, да и к себе никого не принимала; она всецело посвятила себя воспитанию своих детей – сына Дмитрия и дочери Елены. Первому было десять лет, а второй – восемь; им княгиня и отдала всю свою жизнь.

Когда подрос княжич Дмитрий, мать свезла его в Петербург и отдала в один из корпусов. Он блестяще окончил курс и выпущен был офицером.

Геройски сражался молодой князь в рядах русской армии против Наполеона. Он, как мы знаем, был ранен; для поправления своего здоровья получил продолжительный отпуск, случайно свидетелем на дороге с Надеждой Дуровой, освобо-

дил ее из заключения и уговорил ехать с собой в имение матери.

Княжна Елена, красивая девушка, очень стройная, несмотря на то что получила домашнее воспитание, была необычайно умна. Она много читала и благодаря этому развила свой ум.

Княгиня не жалела денег на воспитание дочери и кроме гувернанток, француженки и англичанки, пригласила к ней опытных педагогов. Молодая княжна имела добрый характер и весьма ласково обращалась с дворовыми и крестьянами.

Елена пристрастилась к медицинским книгам, упросила мать выписать из Москвы опытного, хорошего врача и стала брать у него уроки медицины.

Анна Дмитриевна, любя дочь, должна была против своей воли на это согласиться. Изучив несколько медицину, Елена стала применять свои познания на практике: она лечила крестьян, сама приготавливала для них лекарства и не брезговала входить в душные крестьянские избы. Как глубоко любили крестьяне свою княжну-благодетельницу! Но не одних своих крестьян лечила Елена – она готова была помочь всякому, и недужные крестьяне из дальних деревень толпами приходили к ней.

Не нравилось это старой княгине. Бывшая фрейлина блестящего двора Екатерины не могла переварить, чтоб ее дочь-красавица возилась с «грязными, грубыми мужиками».

– Послушай, Элен, охота тебе возиться с этими мужиками – они всегда такие неумытые, грязные... фи!

С такими словами не раз обращалась княгиня Анна Дмитриевна к дочери.

– Мама, ведь мужики такие же люди, как и мы с вами, – с улыбкой отвечала матери княжна.

– Мило! Вот так сказала.

– Право же, мама.

– Ах, оставь, пожалуйста! Начиталась ты каких-то там книг...

– Скажите, мамочка, ведь мужики – люди?

– Ну что же из этого?

– Нет, мама, вы ответьте.

– Конечно, люди. Но все-таки отличие-то есть между мужиком и мной.

– Какое же, мама?

– Думаю, ты и сама знаешь.

– Нет, мамочка, не знаю. Я знаю только, что надо любить ближнего как самого себя.

– Стало быть, мужики, по-твоему, – наши ближние? – сердито спросила старая княгиня.

– Это, мамочка, не по-моему: нас так религия учит, – кротко, с улыбкой поправила мать княжна.

Анна Дмитриевна не нашла, что возразить дочери, и умолкла.

– Мамочка, милая, ты сердисься?

– Нет, я только боюсь.

– Чего, мама?

– Не заразись ты около больных.

– О, не беспокойся, мама, меня Бог хранит.

– Уж лучше выпиши ты лекаря из Москвы, и пусть он возится с больными мужиками.

– Милая мама, ты позволяешь?

– Позволяю. Устроим в селе больницу, и будет лекарь в ней жить.

– Мама, мамочка, какая ты добрая!

Княжна бросилась целовать лицо, руки у матери, благодаря ее за больных мужиков, которые будут теперь иметь опытного врача и больницу.

XXII

Из Москвы княгиней Шустовой был выписан врач Иван Николаевич Радугин, и под его руководством в Райках была построена каменная больница со всеми приспособлениями.

Радугин был еще совсем молодой человек, недавно окончивший курс медицинских наук; происходил из духовного звания. Несмотря на свои молодые годы, он пользовался в Москве некоторой известностью как опытный врач. Имея большую практику, он все-таки с радостью откликнулся на приглашение княгини в деревню.

Теряя практику в Москве, Иван Николаевич приобретал ее в деревне между простым, черным народом. До денег он был не жаден, служить по мере сил людям, помогать им своими знаниями – вот к чему стремился молодой врач.

Близкие к Радугину люди стали его отговаривать, убеждать, что житье в деревне между мужиками для него невыгодно.

Иван Николаевич вот что им на это ответил:

– В Москве и без меня много опытных врачей, есть кому врачевать телесные недуги горожан, а в деревнях наш простой народ недужит много и телесно и душевно, а лечить его некому. Где нужна больше моя посильная помощь, туда мне и надо идти.

Радугин весь отдался своему делу, своим обязанностям.

Он любил крестьян, и его крестьяне скоро полюбили; Иван Николаевич, от природы несмелый и застенчивый, сторонился княгини и ее дочери и редко заглядывал в княжеский дом; шел он туда, только когда его приглашали.

С приходом Радугина княжна Елена передала ему всех своих больных; старая княгиня настойчиво потребовала у дочери, чтобы она бросила «вязаться с больными мужиками и бабами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.